

ОГОНЁК
№ 27 ИЮЛЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
РАССКАЗ В. КОЖЕВНИКОВА
«СИЛЬНЫЕ ЛЮДИ»
БИБЛИОТЕКЕ
имени В. И. ЛЕНИНА
100 лет
С. КОНЕНКОВ О К. ЮОНЕ
Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

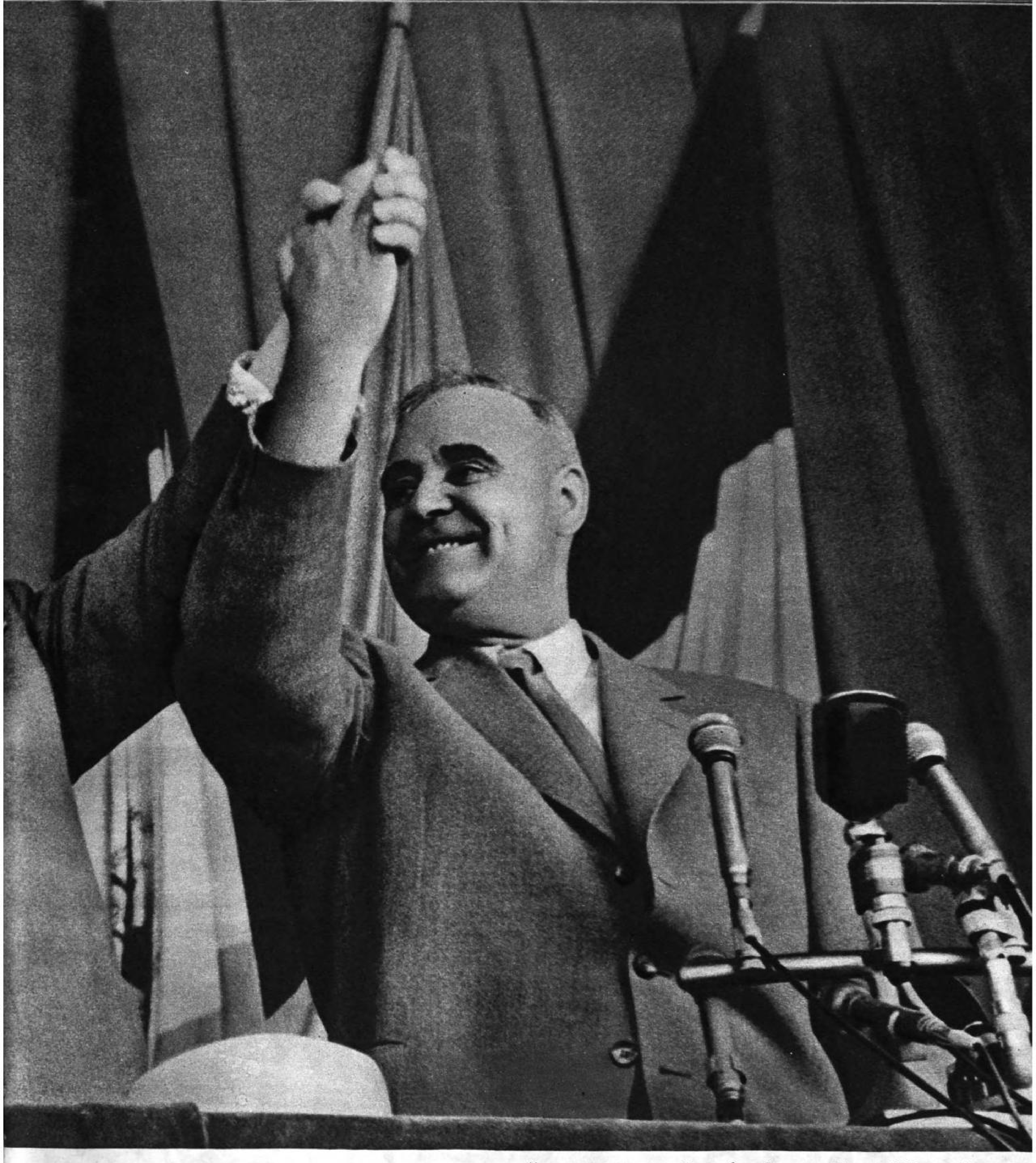

№ 27 (1828)

1 ИЮЛЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Митинг румыно-советской дружбы в Бухаресте 24 июня 1962 года. На центральной трибуне стадиона «Республика» товарищи Н. С. Хрущев, Г. Георгиу-Деж, И. Г. Маурер.

Фото специального корреспондента «Огонька» М. САВИНА.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НЕРУШИМАЯ

ОВЕТСКО-РУМЫНСКАЯ ДРУЖБА!

24 июня в Бухаресте было подписано Коммюнике о пребывании в Румынской Народной Республике с визитом дружбы партийно-правительственной делегации Советского Союза. В Коммюнике подчеркивается: «Беседы, проходившие в атмосфере братской дружбы и сердечности, явились новым доказательством полного единства взглядов по всем рассмотренным вопросам».

Всегда будем вспоминать

Петру ВИНТИЛЕ,
румынский писатель

Никогда еще не открывалось навстречу гостям столько распростертых объятий, никогда еще не было столько цветов и знамен, такого стихийного и единодушного энтузиазма, как в солнечное утро, когда Бухарест торжественно встречал партийно-правительственную делегацию Советского Союза во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым. В первые же минуты на вокзале Бэняса он это отметил сам и, улыбаясь своей такой знакомой улыбкой, произнес: «У вас горячее солнце и горячие сердца».

Дружеские чувства румынского народа, встречавшего советскую делегацию целыми садами лилий и роз, сочетались с законной гордостью большими победами, одержанными на фронтах социалистического строительства под мудрым и испытанным руководством Румынской рабочей партии.

На пути к заводу «Гривица Рошие» советская делегация проехала по магистрали, где высится сейчас много новых красавцев домов. Прежде здесь теснились убогие, нищенские лачуги. Рабочие новостроек с воодушевлением приветствовали гостей. Казалось, в их поднятых к синему небу руках вся мощь рабочего класса, навсегда похоронившего тяжелое прошлое, смело строящего ныне новую, чудесную жизнь.

— Завод хороший, а рабочие еще лучше, именно рабочие своим трудом украшают любой завод,— сказал Н. С. Хрущев на «Красной Гривице».

Растут новые люди, растут новые города. Еще совсем недавно Борзешти было бедным селом, а теперь на карте социалистической Румынии под именем Борзешти значится молодой и красивый город, центр химической промышленности, где живет сорок тысяч человек.

В Хунедоаре выпускается за 60 дней все количество чугуна и за 80 дней все количество стали, производившееся в Румынии в 1938 году.

Никита Сергеевич Хрущев знал, что долина Жиу называлась прежде «Долиной слез». Здесь веками жили нужда и голод, слезы и нищета. Теперь здесь повсюду видны клубы, больницы, столовые, школы, по-новому оборудованные шахты. Все это вместе изменило старое название «Долина слез» на новое — «Долина радости».

Продолжая свою поездку по стране, высокие советские гости побывали затем в Крайове — известном прежде под именем «города помещиков». Теперь от них, от помещиков, остались только воспоминания, а город гордится своей молодой, бурно развивающейся промышленностью, открывшимися перед ним широкими экономическими перспективами.

Неделя, начавшаяся 18 июня, была для всего румынского народа настоящим праздником. Те, кто был его участником и свидетелем, никогда не забудут обстановки энтузиазма, дружбы и взаимного уважения, в которой протекал визит советской партийно-правительственной делегации. Он стал новой демонстрацией нерушимых уз, связывающих наши страны.

С волнением и радостью мы всегда будем вспоминать этот праздник дружбы и братства.

Бухарест, 24 мая.

Возвращение советской партийно-правительственной делегации во главе с Первым секретарем ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР товарищем Н. С. Хрущевым из Румынской Народной Республики. Н а с н и м к а х: встреча на Шереметьевском аэродроме.
Фото А. УСТИНОВА и А. ЛЯПИНА.

Первые итоги работы новых сельскохозяйственных органов целиком и полностью подтверждают правильность решений мартовского Пленума ЦК КПСС. Об этом, в частности, говорилось на совещании работников территориальных производственных управлений районов Центра Российской Федерации, которое проходило в Москве, в Большом Кремлевском дворце.

Колхозы и совхозы Центральной зоны в этом году улучшили структуру своих посевных площадей. Стало меньше многолетних и однолетних трав, овса и чистых паров. Расширились посевы зерновых культур, кукурузы, сахарной свеклы и моркови на корм скоту, гороха, кормовых бобов. Однако еще во многих колхозах и совхозах структура посевных площадей требует улучшения.

Сейчас в Центральной зоне наступает очень ответственный период — сбор урожая. Образцово подготовиться к нему — задача партийных, советских и сельскохозяйственных органов, всех тружеников колхозов и совхозов.

С глубоким вниманием участники совещания выслушали выступление Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР товарища Никиты Сергеевича Хрущева. Работники сельского хозяйства полны решимости быстрее выполнить поставленную партией задачу большой исторической важности — создать в стране изобилие продуктов питания для населения и сырья для промышленности.

Фото С. РАСКИНА.

ЖАРКОЕ ПЛАМЯ ЮНОСТИ

А. КАМШАЛОВ,
секретарь ЦК ВЛКСМ

В последнее воскресенье июня миллионы юношей и девушек справляли свой традиционный праздник — День советской молодежи.

Это был праздник труда и мира, демонстрация трудовой доблести и творческих дерзаний, жизнерадостной, смелой и веселой юности.

В городах и селах звучала музыка и песни. Молодежь устраивала балы, карнавалы, манифестации, чествовала молодых передовиков производства, ударников коммунистического труда. А их много! Ведь молодежь — там, где идет главная битва за коммунизм, где создаются материальные ценности.

В стране 155 наиболее важных строек объявлены комсомольскими. В Казахстане, Киргизии, Красноярском крае, Иркутской и Кемеровской областях молодежь возводит тепловые и гидравлические электростанции. Комсомол шефствует над строительством домен, конверторов, мартеновских и электроплавильных печей, прокатных станов. Посланцы комсомола помогают досрочно ввести в строй новые предприятия химической, целлюлозно-бумажной, горнорудной промышленности, заводы стройматериалов и строительной индустрии.

Отряды «Комсомольский прожектор» ведут борьбу за технический прогресс, за высокую культуру производства. Их девиз — «Все резервы — на службу коммунизма». Комсомольцы Даугавпилсского завода синтетического волокна повели успешную борьбу с потерями производства; на Новомосковском химическом комбинате Тульской области взяли под контроль введение новой техники; на Киевском заводе «Арсенал» помогли коллективу добиться ритмичности производства...

В сельском хозяйстве трудится 4 миллиона комсомольцев. Они стремятся увеличить производство продуктов животноводства, повысить производительность труда, снизить себестоимость сельскохозяйственной продукции. На 16 миллионах гектаров раскинулись комсомольские посевы кукурузы, сахарной свеклы, бобовых.

В Тамбовской области комсомолки Аня Важева и Люба Жаткина из совхоза «Софьинский» откормили за четыре месяца 585 свиней. В совхозе «Тамбовский» у Маши Григорьевой и Нины Бурминой свиньи ежедневно прибавляют в весе более чем на килограмм каждая.

В жизни, труде, учебе советских юношей и девушек вдохновляют слова Н. С. Хрущева. «Мы — люди старшего поколения,— говорил Никита Сергеевич на XIV съезде ВЛКСМ,— приняли эстафету от Маркса, Энгельса, Ленина. Мы несли и несем эту эстафету, используя все возможности, которыми располагает человек. И мы передаем эту эстафету строительства коммунизма вам — молодому поколению! Я бы даже сказал так: не передаем, а вы уже приняли эту эстафету. Приняли на ходу!»

Советская молодежь старается достойно продолжать дело своих отцов и братьев.

В свой праздник юноши и девушки вновь заверили Коммунистическую партию и Советское правительство, что они готовы совершить новые трудовые подвиги на благо Родины, на благо народа.

Парад спортсменов на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Москве в День молодежи.

Фото А. Бочинина.

За штурвалом — Михаил Куянцев.

НОВЫЙ ХЛ

Ее ждут с великим нетерпением. К ней готовятся все, кто причастен к земным заботам. Поглядывая на небо — не надо бы дождя! — торопят ее приход землеробы.

И вот она пришла, страдная пора уборки! И нет у людей в эти дни дум главнее одной: убрать, скорее убрать...

Брошена на поля вся техника. Все руки отданы зерну. Не слышно больше шелеста колосьев: он заглушен моторами. Ставрополье жнет...

В зоне Прикумского территориального управления уборка в разгаре, и темп ее с каждым днем нарастает. Торопятся комбайнеры, торопятся трактористы, торопятся шоферы. В этом году колхозы и совхозы зоны хотят продать государству сверх плана 100 тысяч центнеров хлеба. И это только сверх плана! А план каков? 2 миллиона 460 тысяч центнеров...

Не уставай, хлебороб! Тебе трудно во время страды. Тебя палит солнце, глаза твои порошит золотистая пыль жнивья, плечи и руки твои замлели. Короток сон и долга работа. Но ты знаешь, что, может быть, нет на свете большей радости, чем радость сделать на скошенном поле последнюю загонку и ссыпать в кузов грузовика последний бункер зерна. Тогда — шабаш! И будет праздник. И тебе всем миром скажут спасибо...

Днем и ночью шумят моторы на массивах совхоза «Архангельский». Скошенный в валки хлеб прямыми линейками расчертил землю от горизонта до горизонта, и комбайны, подбирающие и обмолачивающие хлеб, ходят по этим линейкам, как бы стирают их. Прошел комбайн — нет линейки.

По три нормы, а то и по три с половиной — до пятидесяти гектаров за день — выполняет комбайнер Михаил Куянцев. И в совхозе не один он такой, есть у него достойные товарищи.

Уходят от комбайнов груженные зерном машины — ложится цифра к цифре в совхозной бухгалтерии. Если так пойдет дело, обязательно будет стотысячная прибавка к плану!

Страда всегда начинает свое рабочее шествие по стране с Юга. Юг объят уборкой, а Север пока ждет, с радостью прислушиваясь к южным вестям, и готовится во всеоружии встретить зреющий урожай.

Река хлеба день ото дня становится все шире, все глубже. Новый хлеб пошел!

Фото М. НАЧИНКИНА.

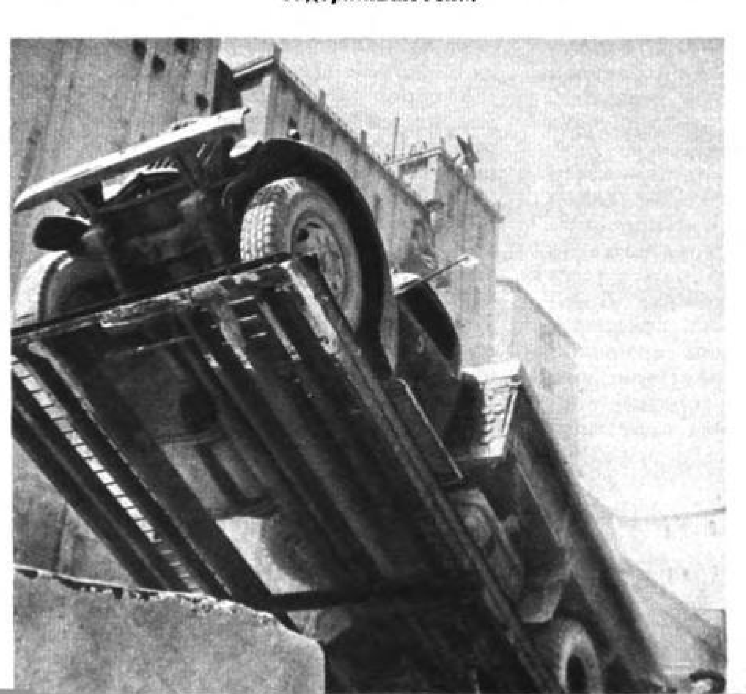

ЕБ ИДЕТ!

Полны, тяжелы колосья на полях совхоза «Архангельский».

На Прикумском хлебоприемном пункте машины не задерживаются...

Чем раньше вспашешь, тем лучше будет урожай.

В. ВЛАДИМИРОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

КОЛЫБЕЛЬ НАШИХ ЗАМЫСЛОВ

Редакция журнала «Огонек» в день столетнего юбилея замечательного очага советской культуры — Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина — шлет сердечные поздравления всему ее коллективу.

Вряд ли кто из приезжих не заметит высокого здания неподалеку от Кремля. Четкий серый прямоугольник, прорезанный узкими, длинными окнами,— что это?

Любой москвич с гордостью отвечает:

— Это Ленинская библиотека!

В наши дни Ленинская библиотека занимает целый квартал. В двадцати двух залах зарегистрировано сто восемьдесят четыре тысячи постоянных читателей. А за год библиотеку посещают два с половиной миллиона человек!

В просторных вестибюлях слышен сдержанный гул голосов. Попробуйте постоять часок у входа, и вы увидите людей всех возрастов, профессий и званий. Студенты, школьники с пионерскими галстуками, научные работники. Представители всех национальностей Советского Союза. Иностранные студенты и дипломаты. Советские офицеры, рабочие, инженеры, писатели, моряки, актеры, строители, геологи, музыканты...

Старинный общий зал — двусветное помещение в стиле екатерининского классицизма — весь уставлен длинными столами. Муравейник людей наполняет огромный третий зал нового здания. В глубокой тишине под чистой зеленью деревьев работает первый, профессорский зал. Всегда переполнен зал периодики. Неслышно передвигаются сотрудники отдела редких книг. В их руках можно увидеть самые удивительные издания — от часословов XVII столетия и петровской «Марсовой книги» до роскошных художественных альбомов нашего времени.

За редкими исключениями вы можете получить тут любое русское печатное издание прошлого и настоящего. И не только печатное — в библиотеке сосредоточено множество рукописей.

Л. Толстой изучал здесь по рукописям масонский ритуал для «Войны и мира».

Книги, рукописи, ноты, гравюры, газеты, альбомы, плакаты, журналы, листовки и прочее и прочее — двадцать два миллиона учетных единиц на полках Ленинской библиотеки, и количество это растет из года в год. До революции было ничтожно мало иностранных книг — сейчас восемь миллионов. В библиотеке представлено 173 языка мира, в том числе 89 языков народов Советского Союза.

Металлические стеллажи библиотеки занимают в длину около 300 километров. Каждый год для размещения новых поступлений требуется 15 километров полок.

Тысячи сотрудников работают тут на книжных «ярусах». Плывут тележки сложной системы конвейеров, поднимающие и опускающие книги по этажам, из хранения в читальные залы и обратно. Сотрудницы «центральной группы рейса» направляют книги по нужному пути с вертикального конвейера на горизонтальный. Здесь же движутся автоматизированные тележки железной дороги, которая перевозит книги из нового здания в старое и в отдел абонемента, ибо библиотека выдает книги и на дом.

Читателю, сидящему за удобным столом, часто и в голову не приходит, какой сложный и длинный путь проделала по этажам заказанная им книга.

Это крупнейшее в мире книгохранилище — царство величайшей точности. «Заставить», то есть неправильно поставить книгу на полку, значит потерять ее на долгое время среди океана томов.

Если вам понадобится список литературы по определенному вопросу и вы не сможете составить его сами, зайдите в Центральное справочное бюро. Это своего рода «государство в государстве», у него отдельный читальный зал, собственное хранилище справочной литературы: указателей, словарей, путеводителей, книжных каталогов, энциклопедий, бюллетеней и даже расписаний поездов на всех языках. Любые справки о любых изданиях вы получите здесь без всякой задержки.

В наши дни читать — вовсе не значит держать перед собой печатную страницу. Малодоступные, редкие тексты снимаются на пленку. Вам не надо брать в руки драгоценные манускрипты Древней Руси. Достаточно повернуть рычажок — и страницы возникнут перед вами на экране. Пересылка роликов с пленкой гораздо проще и безопаснее, чем пересылка книг.

Описывать в подробностях всю многообразную напряженную работу всесоюзного книжного центра, его связи с советской и мировой общественностью, промышленностью и сельским хозяйством, наукой и искусством — это значит исписать десятки страниц. Не много найдется в нашей стране людей, которые в той или иной степени не встретились бы в своем труде с Ленинской библиотекой, а если не с самой библиотекой, то с ее печатными изданиями,— только в прошлом году выпущено в свет около двух миллионов экземпляров таких изданий!

Ленинская библиотека — самое значительное, самое совершенное книгохранилище нашей страны.

Сто лет назад

Тот же район. 60-е годы XIX века: узкая Моховая, вымощенная булыжником, по которому монотонно цокают копыта. Купола церквей вдали, одноэтажные и двухэтажные особнячки. Возвышаются колонны «Пашкова дома», построенного Баженовым в 1780-х годах. Это один из самых красивых домов в Москве. И казалось, самой судьбой ему назначено сыграть выдающуюся роль в истории русской культуры.

Сто лет назад отсюда выехала четвертая гимназия, ее место занял «Московский Публичный и Румянцевский Музеум».

«Музеум» был основан не в Москве. Он вырос в Петербурге из коллекции книг и редкостей, собранных российским государственным деятелем Н. П. Румянцевым, сыном знаменитого полководца, большим книголюбом, одним из первых собирателей русских исторических документов.

К середине прошлого века музей настолько захирел, что было решено перевезти его из столицы в Москву: с глаз долой. Но в Москве детище Румянцева возродилось к жизни и не как музей, а как библиотека, сссталенная вначале из частных фондов.

1 июля (н. с.) 1862 года был утвержден устав «Музеума»: ему предоставлялось право получать по одному экземпляру всех печатаемых в России изданий. Это было большим завоеванием: Румянцевский музей приравнивался к петербургским государственным книгохранилищам. 2 (14) января 1863 года первый читальный зал на двадцать мест открылся для публики. Библиотекарей в «Музеуме» было всего четверо.

В 1912 году вышел богато изданный альбом, посвященный пятидесятилетию библиотеки. Альбом пестрел царскими и великокняжескими портретами и был «украшен» списком почетных попечителей, в числе которых состоял и реакционнейший министр народного просвещения Кассо. А вместе с тем альбом содержал и горькие слова директора библиотеки Ю. В. Готье: «История музея за 50 лет его существования есть, в сущности, история его безысходной нужды, история тяжелой борьбы за сколько-нибудь удовлетворительные условия деятельности».

Денег библиотеке давали до смешного мало. Царским чиновникам не было никакого дела до «провинциального» книжного собрания, которое обслуживало не центральные петербургские ведомства, а «сомнительную» московскую интеллигенцию. Но в юбилейный 1912 год в библиотеке было уже 16 сотрудников. А на полках стояло около миллиона томов.

Восемь градусов по Реомюру

В августе 1893 года в регистрационной книге библиотеки появилась запись, сделанная почерком, который впоследствии стал знаком всему человечеству: «Владимир Ульянов. Помощник присяжного поверенного. Большая Бронная, д. Иванова, кв. 3».

Четыре года спустя, в 1897 году, по пути в сибирскую ссылку Владимир Ильич провел в Москве трое суток и целыми днями сидел в старом зале библиотеки,

1. Научный читальный зал № 3.
2. Афанасий Никитин «Хождение за три моря».
3. «Слово о полку Игореве».
4. Главный библиотекарь отдела редких книг С. А. Клепиков за работой.
5. Первая Конституция.
6. Первое издание «Естественной истории» Плиния, напечатанное в Венеции в 1469 году.

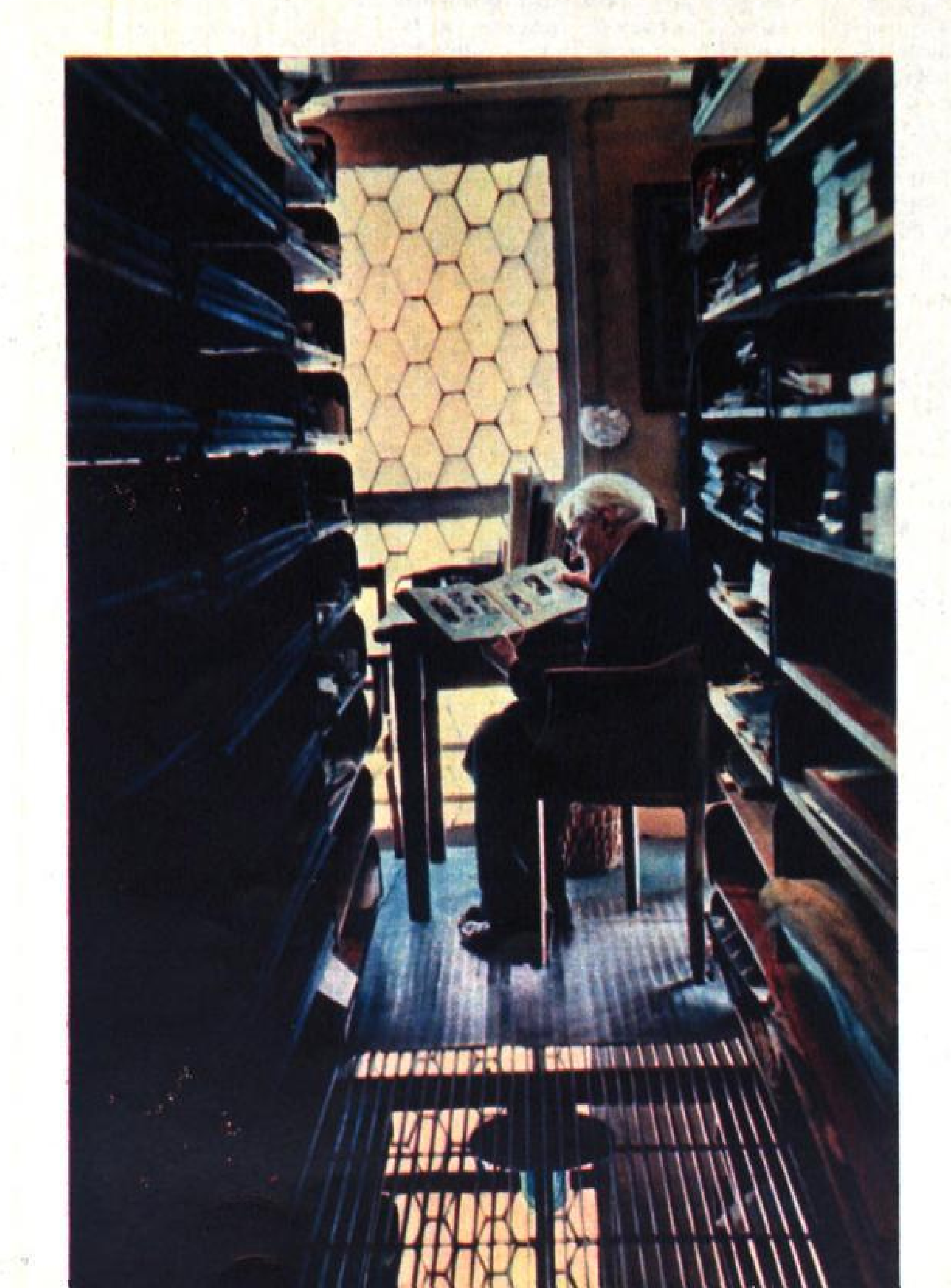
2.

3.

СЛОВО
О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ,
ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ,
ВНУКА ОЛЬГОВА.

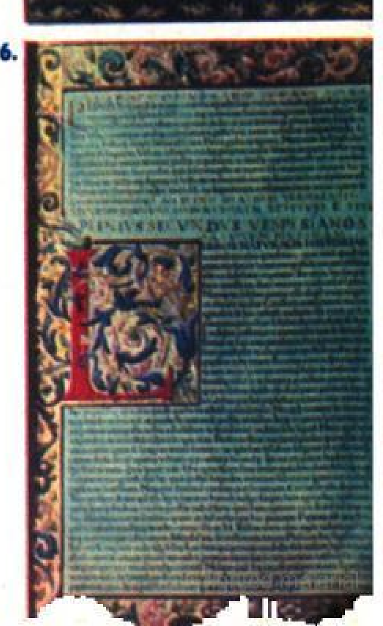

5.

КОНСТИТУЦ
РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧ
ФЕДЕРАТИВНОЙ СОВЕТС
РЕСПУБЛИКИ

6.

выходившем на Знаменку (ныне улица Фрунзе). В это время он трудился над книгой «Развитие капитализма в России».

Работа библиотек всегда интересовала Ленина. В 1913 году он пишет статью «Что можно сделать для народного образования», в которой критикует публичные библиотеки за то, что они оторваны от народа и обслуживают лишь узкий круг ученых.

После Октября ленинская мысль — книга для народа — легла в основу всей библиотечной работы. Не музейное коллекционирование, а обслуживание самых широких читательских масс — вот главная задача библиотек. Именно этому посвящала всю свою работу библиотека, которой 24 января 1924 года, через три дня после смерти Владимира Ильича, было присвоено его имя.

В суровые зимы гражданской войны, когда запорошенные снегом окна голодной Москвы дымили трубами печурок-«буржуек», Совнарком по инициативе Ленина постановил, чтобы Румянцевская библиотека получала топливо: в читальном зале должна была поддерживаться температура до 8 градусов по Реомюру. Восемь градусов для того времени была роскошь, которую предоставляли только военным госпиталям, детским учреждениям и амбулаториям.

Ленин никогда не забывал о Румянцевской библиотеке.

В марте 1919 года он прислал ей в дар несколько своих книг, в том числе «Государство и революция» и «Очередные задачи Советской власти». О том, как относился Владимир Ильич к библиотечным книгам, видно из его записки от 1 сентября 1920 года: «Если, по правилам, справочные издания не выдаются на дом, то нельзя ли получить на вечер, на ночь, когда библиотека закрыта. Верну к утру».

С 1922 года по инициативе Ленина библиотека стала получать два обязательных экземпляра всех изданий. Это дало возможность снабжать книгами более широкие круги читателей.

В отделе редких книг лежат под стеклами немые свидетели первых дней Октября. Вот листовка — крупные буквы, серая бумага: «К гражданам России! Временное правительство низложено...» Вот брошюра Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» Внизу мелким шрифтом: «Петербург, 1917»... Вот «Коммунистическая Марсельеза» Демьяна Бедного под обязательным грифом «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика» и лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»...

Народ-книголюб

В журнале «Нива» за 1906 год воспроизведен рисунок, изображающий «двор архива иностранных дел» в Москве на Моховой улице: унылый, покатый пустырь, осененный тремя-четырьмя липками. Вдали видна круглая верхушка «Пашкова дома». Сейчас на месте пустыря возвышаются корпуса нового здания библиотеки.

Четырехгранные колонны обрамляют внутренний дворик с фонтаном. Перед главным входом — просторная площадка с лестницами на проспект Маркса и улицу Калинина. Со стен глядят бронзовые барельефы Горького, Ломоносова, Павлова, Менделеева, Пушкина, Маяковского... Парадная лестница в корпусе «А» напоминает дворцовые лестницы Ленинграда. Потолки уходят ввысь, открывая дорогу свету и воздуху. Галереи главного входа так широки, что на них разместилось несколько больших каталогов.

С 1927 года библиотека значительно расширила работу над генеральным систематическим и алфавитным каталогами.

В те дни, когда затемненная Москва по ночам отбивала атаки гитлеровских «юнкерсов», вступило в строй новое книгохранилище — похожее на башню здание, которое теперь еще издали бросается в глаза. В этом здании восемнадцать ярусов. Оно в два с половиной раза превышает площадь «Пашкова дома». В годы войны эта громада с ее железобетонными перекрытиями и железными конструкциями книжных полок приобрела особое значение — это было надежное прикрытие от бомбежки.

Фронтовики, попадавшие в Москву в военные годы, помнят, как сурово и настороженно выглядело «книжное царство», со шторами на окнах и караулами у всех входов. В это напряженное время Ленинская библиотека ни на один день не прекращала своей работы. Гигантский культурный очаг не закрывал своих дверей перед бойцами фронта и тыла даже в те дни, когда враг стоял у Звенигорода и Тулы и когда пригородные шоссе были перекрыты надолбами. В мае 1942 года библиотека открыла в старом «румянцевском зале» специальную читальню для детей.

В конце войны библиотека была награждена орденом Ленина.

После войны поток читателей бурно рос. Один за другим открывались новые залы, расширялась библиографическая работа. Библиотека шла по пути, указанному ей великим человеком, чье имя она носит,— шла навстречу читателю из народа. Она принимала его как дорогого гостя, заботилась о том, как бы лучше его обслужить, разворачивала перед ним стенды выставок, посылала ему навстречу консультантов, лекторов, экскурсоводов. Не многие библиотеки мира могут гордиться таким размахом массовой работы, как Ленинская.

В нашей стране каждые сутки выпускается три с половиной миллиона экземпляров книг. Наш народ после Октябрьской революции прославился на весь мир как народ-книголюб, и большую роль в этом сыграла Ленинская библиотека.

Адреса всего мира

В истории Государственной библиотеки СССР имени Ленина есть одна страница, которая после войны привлекает к себе особое внимание всего культурного человечества, — это ее международные связи.

В библиотеке создан отдел международного книгообмена. За 1961 год он послал за рубежи 250 тысяч книг и журналов и получил в обмен 212 тысяч. Интерес к нашей книге за границей сильно вырос за последние годы. Некоторые советские и дореволюционные издания оцениваются американскими букинистами в сотни, а иногда и тысячи долларов. Зарубежные государства интересуются многими советскими изданиями.

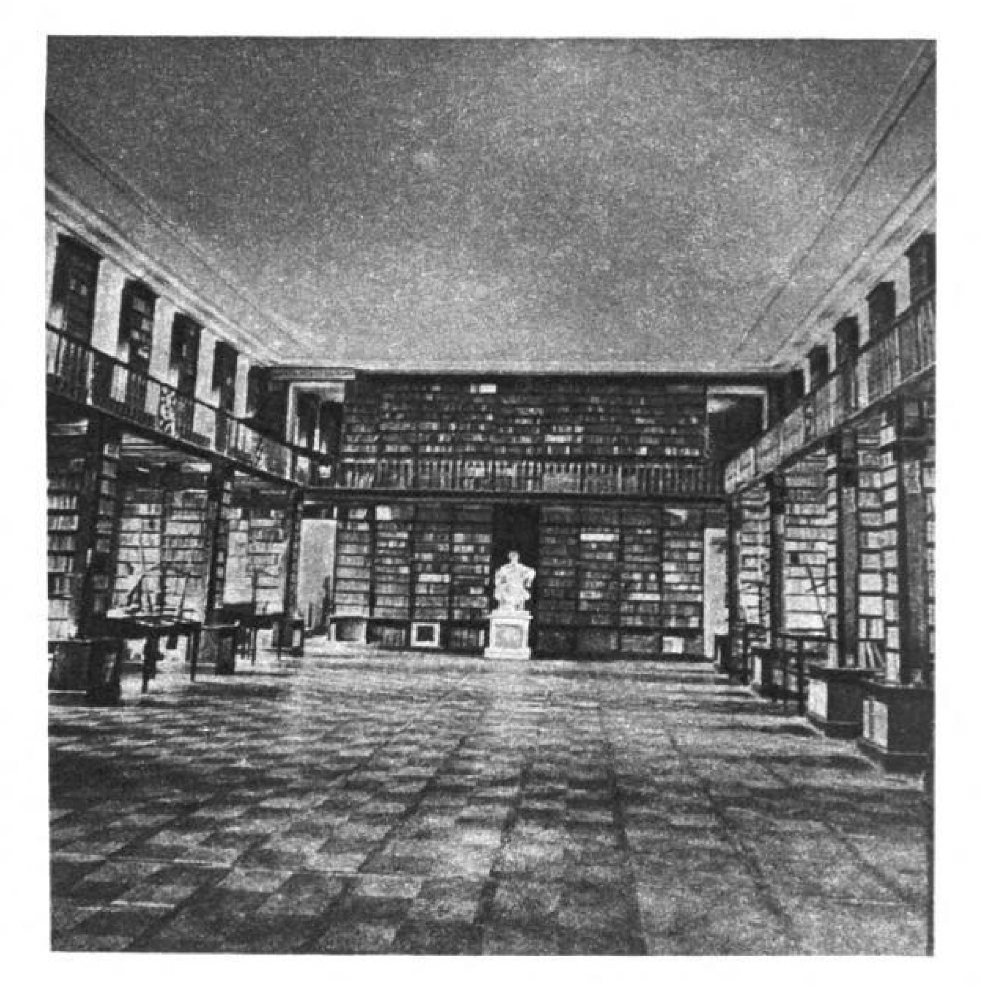
Коричневые пакеты со штампом «Международный книгообмен» текут по самым разнообразным адресам: в Китай, Польшу, Англию, Францию, Кубу, Венгрию, Болгарию, Австрию, Новую Зеландию, Румынию, Бразилию, ГДР, Индию, Мексику и так далее. В Японии создано специальное «Общество переводов с русского языка». Не так давно потребовала советскую книгу и Африка. Ленинская библиотека посылает научные публикации библиотекам Ганы, Судана, Конго, Гвинеи и других стран. С каждым годом увеличивается приток книг из-за границы. В наших читальных залах можно получить иностранные издания с печатями Британского Музея, Библиотеки конгресса США, парижской Национальной библиотеки. Они прибывают на самолетах в ответ на читательские требования. Сто лет назад выписать книгу из иностранного хранилища было фантастическим предприятием. Даже читатели Риги, Казани или Киева не могли мечтать о том, чтобы получить книгу с московской полки, что уж говорить об иностранных изданиях! Сейчас к этому нет никаких препятствий. Библиотека насчитывает до пяти тысяч коллективных абонентов, в том числе 232 постоянных абонента за границей.

Статистика — сухое дело. Сколь бы внушительны ни были цифры, они не могут дать полного представления о той роли, которую играет Ленинская библиотека в культурном росте нашего народа. Исследование того, как менялись состав, типы и запросы советских читателей за сорок пять лет Советской власти, могло бы стать темой увлекательной научной работы. В марте этого года К. А. Федин писал: «Эта библиотека особенная. Она собрала в своих стенах, на своих полках всю мысль, существующую и работающую в нашей стране, всю мысль нашего народа и не одного его, но мысль всего мира».

Перед нами книги, присланные в дар Ленинской библиотеке к ее столетнему юбилею. Мы видим автографы Шолохова, Леонова, Лациса, Венцловы и многих других писателей, ученых. Академик Опарин подарил третье издание своего знаменитого труда «Возникновение жизни на Земле», именуя себя на обложке «признательным автором». Академик Нечкина называет библиотеку имени Ленина «колыбелью наших замыслов, верным спутником труда, жилищем вдохновения».

Если сто лет назад в маленьком читальном зале библиотеки, под керосиновыми лампами, занималось всего 20 человек, то в наши дни в многочисленных просторных залах тысячи и тысячи голов склоняются над страницами бесчисленных печатных изданий.

7. Кандидаты исторических наук братья Куманевы в читальном зале.
8. Альбом Пиранези — одна из самых больших книг, хранящихся в библиотеке.
9. Знаменитая коллекция прижизненных изданий сочинений Джордано Бруно.
10. Рукописи XIV—XVI веков в художественных переплетах.

«Румянцевский музеум».

СИЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Вадим **КОЖЕВНИКОВ** Рассказ Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Бурая пустыня тундры. Сизые, пепельные сумерки короткого, на исходе, северного дня предвещают начало длинной полярной ночи.

По пророчеству метеорологов скоро должна начаться пурга, и уже белые, снежные, марлевые полосы с песчаным шорохом низко несутся над тундрой.

Два танка с фанерными будками вместо башен, запряженные цугом, волокут на санях, сваренных из железнодорожных рельсов; обвязанный цепями огромный, как нефтяная цистерна, дробильный барабан для горнообогатительной фабрики.

Танки подминают, как кустарник, тощие ели, жилистые березы и размазывают их древесину на желтых плитах миллионнолетнего льда, лежащего под тонким покровом торфяной почвы.

На выходах чугуннотвердых массивов диабаза траки гусениц высекают синие сухие искры. Рельсовые полозья саней, нагревшись о камень, сползая на лед, шипят и дымятся паром...

Сильный ветер океана гонит толстые, темные, отяжелевшие туши облаков, и земля от них в черных островах плавучих теней.

Трасса в тундре обозначена вешками, на которых висят гроздья пустых консервных банок.

Впереди идет тракторный вездеход. На прицепе балóк, низкий дощатый домик с полозьями из бревен лиственницы. Балок оборудован подобно железнодорожному вагону. В углу никелированная печь «титан». В балке жарко. На верхней полке с высокими, как у корабельной койки, бортами спит, укрывшись с головой новеньким, воняющим овчиной полушубком, директор будущей обогатительной фабрики Евгений Иванович Попов.

За откидным столиком сидит рыжеволосая, бледнолицая, худенькая, в ситцевом платье с короткими рукавами Лена Набокова и озабоченно мажет хлеб маслом и клубничным вареньем. Это для Вовы, семилетнего сына инженера Попова.

— Ешь,— говорит повелительно Лена.

— Я же просил вас, не приставайте.

Вова глядит с одинаковым отвращением на хлеб, намазанный вареньем, и на Лену. Лицо мальчика выражает такое страстное презрение, что девушка теряется. На тонкой шее выступают красные пятна, на длинных глазах слезы.

— Это же витамины!

— Ну и ешьте их сами.

— Какой ты грубый!

Вова, отвернувшись, угрюмо смотрит в пластмассовое выпуклое окно, за которым медленно ползет обледеневшая пустыня.

Нижняя пухлая губа мальчика закушена, под глазами темные круги не то от длинных ресниц, не то от какого-то скрытого горя.

Словно в забытьи, он гладит себя по щеке большой костяной пуговицей, по-видимому, от дамского пальто.

Лена тревожно наблюдает за мальчиком, потом, вздохнув, берет с «титана» высохшие чулки, натягивает на рефлектор ручного электрического фонарика и, склонившись, принимается штопать.

На нижней полке расположились супруги Алексеевы. Гимнастерка демобилизованного сержанта со множеством эмалированных значков висит на вешалке, аккуратно растянутая на деревянных плечиках.

Сержант озабоченно вспарывает ножом банку консервированного компота.

Супруга его в ярко-вишневом свитере и такого же цвета лыжных штанах. Красивое, несколько опухшее лицо томно и капризно. Она говорит сердито, вызывающе глядя на взъерошенный затылок Вовы:

— Почему-то всегда, если ответственный работник, так дети у него обязательно недовоспитанные!

Сержант, испытывая чувство неловкости от столь прямой атаки супруги на сына директора, примирительно шутит:

— Все мы были когда-то одноклеточными, прежде чем человеками стать.

Но супруга не вняла шутке. Она усмотрела в ней слабодушную попытку со стороны мужа смягчить смысл сказанного ею из боязни, что услышит директор, и уже с неудержимой запальчивостью произнесла громко и вызывающе, кивнув на койку, где лежал Попов:

— Тоже мне, от вертолета отказался, будто для того, чтобы лично трассу проверить, а сам, как улегся до отъезда, так до сих пор спит и даже не пошевелится.

Сержант, поняв, что жена таким способом обличает его якобы в подхалимаже, чтобы реабилитировать себя в ее глазах, тоже громко заметил:

— Действительно, у гражданских командирская дисциплина растрепанная.

— Евгений Иванович трое суток не спал,— сказала Лена, и губы ее обиженно дрогнули,— то в трюм, то на палубу, то на причал, то снова на корабль. Грузы, жутко подумать, сколько тысяч тонн принял — и все техника, а ее осторожно, как посуду, выгружать надо!—Сощурившись, продолжала иронически:—Конечно, Евгений Иванович — несолидный начальник: заняли вы его койку, а он покорно на верхнюю залез. Глядеть больно, как его на ней шатает.

Супруги сконфуженно переглянулись, но Лена успокоила:

— Вы не переживайте. Евгений Иванович вас даже не заметил. Он и меня не заметил. Он сейчас вообще ничего не замечает.

— Действительно замотался человек, — сочувственно произнес сержант.

Лена обиженно, исподлобья посмотрела на сержанта, давая этим понять, что она не принимает такого развязного слова «замотался» по адресу Евгения Ивановича, но ничего не ответила. Бережно положив руку на плечо мальчика, спросила:

— Может, Вовочка, ты спать хочешь?

— Не хочу.— И мальчик сбросил ее руку.

— Ну, как знаешь!—послушно согласилась.— А может, тебе почитать книгу?

— Не хочу.

Жена сержанта, которой явно не нравилось поведение Вовы, сдерживаясь, осведомилась у Лены:

— Вы кем на стройке работаете?

— Да я не на стройке, я обслуживающая. Курсы окончила на акушерку-фельдшерицу.

— Ну,— обрадовался сержант,— в самое ближайшее вы нам вот так вот! — И провел ребром ладони по шее.

— Ты, Костя, не паясничай,— строго заметила супруга.

— А в чем дело? Это же факт. А врач есть?

— Нет,— сказала Лена,— врача нет.

— Как же так,— возмутился сержант,— такая выдающаяся стройка, а врача нет!

— Врач был,— тихо сказала Лена,— а теперь нет врача.

— Ну ничего, обойдемся.— Сержант повернулся к супруге, утешил: — В случае чего, у любого профессора по радио консультацию запросим. В газете описана масса случаев, когда на зимовках под радио даже операции делали.

— Нет уж, лучше я умру, чем позволю кому-нибудь на весь Союз про меня в такой момент все рассказывать.

— Вы не стесняйтесь,— посоветовала Лена,— ведь морзянкой будут передавать, а ее только радисты понимают.

— А радисты что, не люди?

— Да они у нас ко всем личным разговорам привыкли.

— У вас у самой дети есть?

— Я незамужняя.

— Ну, бывает, мужа нет, а ребенок — пожалуйста.

— Какая вы нервная! — кротко сказала Лена.— Но я вас понимаю: вам полагается в вашем положении быть нервной.

— Откуда вы можете меня понимать, если у вас самой нет никакого личного опыта и даже, возможно, не среднее медицинское, а так себе — общественница.

Лена спокойно выдержала и этот выпад, с достоинством объяснила:

— Нет, я с дипломом. Конечно, хотелось медицинский институт кончить. Заявление подавала, думала: можно на заочный. Но, понимаете, заочно на врача не учат. Пришлось на гидрографический поступить. У нас в Заполярье все где-нибудь заочно учатся.

— А вы не думаете, что я дура,— строго спросила жена сержанта,— на четвертом месяце тащиться в Заполярье, в пустыню?

— Так ведь это только дорога пустынная. А на стройке вы ахнете. Кино широкоэкранное. И молочный бар; конечно, все порошковое, но даже сладкий молочный коктейль подают с соломинкой.

— Ты слышал, Костя, у них там бар, как за границей все равно!

— Да нет,— сказала Лена смущенно,— это только называется бар, а на самом деле барак-столовая. Но, честное слово, молочный коктейль с соломинкой подают. И кефир и простокваша.

— Значит, поселок уже построили?

— Ну, что вы, поселок! У нас город будет!

— А сейчас что?

— Вы семейные — вас в дом стандартный поселят.

— А вы где живете?

— Я же холостая, в бараке, конечно. Но он такой утепленный, только в самый сильный мороз в углах куржак проступает.

— Понятно,— протяжно произнесла жена сержанта. Потом деловито спросила: — Значит, свинарник холодный?

— Какой свинарник? У нас во всех помещениях чистота. Комсомольско-санитарный патруль замечательно следит за чистотой.

— Да вы знаете, кто я?

— Нет.

— Зоотехник! Я же по договору на свиноферму к вам. Вы что, воображаете, я просто так за мужем увязалась? У меня специальность.

— А свиней у нас нет,— растерянно сказала Лена и, встрепенувшись, объявила радостно: — Но будут! Вспомнила, в газете сообщали. Я просто забыла, и, может, их, поросят, вертолетом с корабля уже привезли и они вас дожидаются.— Посоветовала озабоченно: — Только вы, если на подстилку им ягель будете класть, осторожней, пожалуйста, с огнем. В оленеводческом совхозе работала еще девчонкой. А ветеринар окурок на землю бросил, ягель как начал полыхать, словно порох, я за молодняк испугалась, в огонь бросилась и стала его затаптывать — и вот глядите, какие следы до сих пор.— Лена доверчиво вытянула свои худенькие, бледные ноги и даже краешек платья приподняла.

Но на нее в упор глядели гневные, яростные глаза супруги сержанта.

— А ты свои конечности моему мужу не показывай! — сказала она сипло.— Не агитируй его хотя бы при жене.

Но Лена не обиделась. Усмехнувшись только, посоветовала:

— Вы поглядите сначала на себя в зеркало, а потом на меня. Какая вы красивая и какая я! — И упрекнула: — Ну что вы такая нервная? Вам надо спокойней быть для ребенка.

— А разве передается?

— Не знаю,— сказала Лена,— но все может быть.

— Так вы ради ребенка теперь сразу меня осаживайте, если я опять в чем-нибудь зарвусь.

— Пожалуйста,— согласилась Лена.— Я вам буду напоминать, чтобы вы зря не сердились.

— Да я вообще не сердитая,— простодушно призналась жена сержанта.— Я просто боюсь в Заполярье потеряться перед местными. Они же все во всем закаленные. А я к нежному обращению привыкла. Как слет животноводов — я всегда в президиуме. А вот врезалась в этого.— Она небрежно повела плечом в сторону мужа.— Приезжал в отпуск, фасонил. Мол, в ракетных войсках. О спутниках с докладом для молодежи выступал. Ну, я и потеряла с ним бдительность. Побежали расписываться, вроде уже как втроем. А потом выяснилось, никакой он не ракетчик, а обыкновенный пехотный сержант без особой специальности. Ну, думаю, влипла! Разве с таким несерьезным человеком, способным на обман, долго проживешь? Кинулась со зла в райком комсомола и взяла к вам путевку, а он за мной без путевки. Простила. Обман мотивировал тем, что хотелось ему меня чем-нибудь загадочным заинтересовать, голову вскружить. А мне его просто застенчивость нравилась. Гуляем в лесу, а он не хватает, целоваться не лезет, а все говорит, говорит. А я только в глаза ему смотрю, ничего не слышу и вся слабею...

Балок сильно тряхнуло, под полозьями раздался треск льда и плеск воды.

— Господи, что это? — испуганно спросила жена сержанта, хватая за руку Лену.

— Вы не волнуйтесь, это через озеро переезжаем, но оно до самого дна сплошной лед, только поверху пузыри ледяные от газа и под ними чуть-чуть воды. Если заливать начнет, так вы на койку с ногами прыгайте — и все.

— А если утонем?

— Трусиха! — сказал Вова и добавил: — Паникерша!

— Да ведь страшно!

— А вы говорили, что умереть не боитесь!

— Вовсе я не говорила!

— Нет, говорили! Я помню.

— Ну, это я просто так брякнула.

— А вот папа мне сказал, что умереть не очень страшно. Испортится что-нибудь в человеке, и организм все равно, как машина, перестает работать, и все у человека отключается, как телефон или радио, и он ничего не слышит, не понимает, что с ним. Другие о нем думают, а он про них ничего не думает, потому что его просто нет.

— Правильно,— поспешно подтвердила Лена,— это все врачи и даже профессора так говорят, а они знают,— и, предостерегающе сурово взглянув на жену сержанта, которая собралась было возразить мальчику, радушно предложила: — Может, нам патефон завести, пластинок на всю дорогу хватит.

— Не смейте! — крикнул мальчик.— Не смейте заводить музыку! — И, смутившись своего возгласа, объяснил: — Мой папа спит, я поэтому.

Вова снова отвернулся к окну и продолжал машинально тереть о щеку пуговицу, зажатую в руке.

Жена сержанта вывалила из консервной банки компот в глубокую тарелку и спросила радушно Лену:

— Может, покушаете персики в сиропе?

С верхней полки спустился на пол Евгений Иванович. Он подсел к сыну, притянул его к себе одной рукой, другой включил радио и, надев на голову наушники, поговорил с водителями тракторного поезда, который тащил им вслед тяжелые агрегаты для обогатительной фабрики. Отключив рацию и сняв наушники, разминая замлевшие уши, Попов спросил сына:

— Ты что, инфекцию хочешь занести? Какой-то грязной штукой водишь себе по лицу, разве можно?!

— Можно,— сказал мальчик.

— А ну, отдай!

Попов разжал кулак мальчика, и на ладонь ему выпала пуговица от дамского пальто.

Лицо инженера стало растерянным, он поспешно вернул пуговицу сыну. Мальчик спросил:

— Может, ты хочешь ее себе взять?

— А что, если нам с тобой в кабину вездехода перейти? — спросил отец.— Там видимость, знаешь, какая?

— Знаю,— сказал мальчик.

— Скоро будет Медвежья сопка.

— Ну, тогда пойдем.

Попов одел мальчика, замотал ему шею

шарфом поверх поднятого воротника полушубка. Мальчик сказал с упреком:

— Ты не по-маминому делаешь. Надо концы сюда спрятать.

— Тогда верхняя пуговица не застегнется.

— А у мамы застегивалась... Вот видишь, и застегнулась,— сказал счастливым голосом мальчик.— Она привыкла по-маминому застегиваться.

Родственное сходство черт лица отца и сына разительно усиливалось общим у обоих выражением глубокой затаенной печали.

Чета супругов, очевидно, одновременно уловила это особое горестное сходство, притихла и как-то защитно прижалась друг к другу.

Инженер по телефону приказал водителю вездехода остановиться и вышел. Когда дверь открылась, в балок рванулся снежный колючий вихрь.

Потом балок дернулся, скрипнули примерзшие полозья, и снова начался путь по тундре. Густая снежная крупа гулко била в пластмассовые окна. Лена включила электрический свет. В балке стало еще уютнее.

Жена сержанта спросила шепотом:

— У инженера что, горе какое?

— Да,— сказала Лена.

— Вот,— произнесла с отчаянием жена сержанта,— обалдела я от своего личного счастья, сидела тут только жмурилась, а мальчик же осиротел, да?

— Да,— сказала Лена.

— Давно?

— Нет, недавно. Ольга Степановна операцию больному делала, а на электростанции авария. Стала я светить ей карманным фонарем, операцию она закончила. Пришла домой — сердечный приступ. Упала, и все. Вову я к себе увела. А Евгений Иванович на котловане был, насосы стали, вода заливала, он оборудование наверх подымал. Сообщили. Побежал домой, а за ним толпой все его рабочие. А он им: «В чем дело?» А они не отходят. И правильно, что не отходили. Он на рассвете в кладовку пошел, где у него охотничье ружье. А ружья нет, унесли люди. Так и не отходили от него. Это же такая семья была, такая семья! — Губы у Лены дрожали, всхлипнув, она произнесла с отчаянием: — И видеть я просто не могу, как Евгений Иванович и Вова перед всеми людьми себя высоко держат, и показывать им свои чувства нельзя, симулируешь, будто ничего не замечаешь, а все внутри тебя просто разрывается.

Я у них часто бывала. Евгений Иванович придет домой, все с себя пораскидает, а Ольга Степановна все соберет, развесит, просушит. И в избе у них все красиво, симпатично, как все равно в городской квартире. Евгений Иванович горячий, вспыльчивый, поссорится с начальством — сразу: «Брошу все к черту, уеду!» А Ольга Степановна как оденется, принарядится, прическу особенную сделает... Ну такая вся радостная! Евгений Иванович взглянет — и готов! Схватит на руки, она хохочет и ногами в чулках-паутинках только брыкает.

Но нас, медицинский персонал, держала в строгости. Все видела. Сам начальник строительства боялся ее хуже крайкома. Чуть что, она — акт. На партсобрании возьмет слово и все требует, требует. Начальник ей реплику: «Товарищ Попова, очевидно, считает главным нашим строительным объектом больницу!» А она гордо так: «Пора вам наконец понять, что главным объектом для коммуниста всегда был и есть человек!»

И все она успевала. И Вову воспитывать и мужа в порядке содержать. И сама всегда такая чистенькая, к себе взыскательная. Заскочишь к ней, бывало, в выходной, а она в резиновых сапогах и в трусиках белье стирает или пол моет. А муж где? — На охоте. У нас тут все охотники.

Лена задумалась, разглядывая свои руки с коротко срезанными ногтями, потом произнесла грустно:

— Есть же такие самые лучшие люди на свете. Вот нет ее, а я все не верю, что ее нет, и всегда она такая живая, такая живая! И вот...

Балок дернулся и снова остановился. Вошел механик-водитель, снял шапку, отряхнул с себя снег, плюхнулся на лавку и, покосившись на супружескую чету, сказал доверительно Лене:

— Это я нарочно у Евгения Ивановича сюда запросился. Пусть машину сам поведет, и Вове нравится, когда отец машину ведет, и ему отвлечение.

Подошел к «титану», выпил кружку горячей воды, сказал, обращаясь к сержанту:

— Удобство! А ты думал, раз Заполярье, так никакого сервиса.— Прислушался, объявил: — Вертолет гудит. Бочки с горючим на трассу сбросил. А чего же он тогда над нами вертит?

Скоро вертолет стал гудеть над самым потолком. Балок остановился. И почти в это же самое время вертолет опустился на землю. Из кабины вышел летчик. Он улыбался.

— Вова,— закричал он задорно,— полезай ко мне в машину, а то мне одному скучно!

Вова стоял рядом с отцом на подножке вездехода и щурился от косо летящего снега.

Попов сказал летчику:

— Напрасно вы, Флегонт Петрович, рискуете! Пурга, а вы на незнакомой площадке посадку делаете.

— Так я за Вовой спустился. Чего ему тут трястись!

— Хочешь,— спросил отец,— минут через двадцать будешь дома.

— Нет,— сказал мальчик,— я с тобой останусь.

— Нам еще больше суток ехать,— предупредил отец.

— Ну и пускай.

Летчик сконфуженно переминался.

— Может, все ж таки передумаешь? — спросил он мальчика.

— Нет, не передумаю.

— Ну тогда привет!

— Привет,— сказал Вова.

Летчик, переваливаясь в мягких унтах, поднялся в кабину вертолета, захлопнул дверцу, лопасти завертелись, и машина, будто вздернутая мощным краном, медленно поднялась в воздух.

— Но ты же хотел полетать на вертолете?

— Сам,— сказал Вова.

— То есть как это сам? — спросил сердито отец.— Один, без летчика?

— Нет, я сам буду летчиком.

— Ну, тогда, пожалуйста,— согласился отец.

Он влез в кабину вездехода, подождал, пока сын устроится рядом, включил мотор, и машина, качаясь на валках, зашаркала гусеницами по обледеневшей, казалось, навечно земле.

Сильными прожекторами вездеход вонзил в белую снежную мглу два будто стеклянных световых столба.

Мальчик смотрел, не мигая, сквозь ветровое стекло на шевелящуюся снежную пучину. Потом, привалившись плечом к отцу, спросил:

— Ты мне сказал, что все из атомов состоит?

— Да,— сказал отец.

— И человек тоже?

— Конечно.

— И завод и город наш тоже будет из них сделан?

— Ну, вообще да.

— И я из атомов?

— Пошел бы ты в балок поспать, а?

— Не хочу.

— Почему?

— Ты один про маму будешь думать.

— Нет, не буду.

— Неправда, ты при мне о ней всегда думаешь, а обещал не думать.

— Тогда я про тебя одного буду думать, хочешь, про тебя одного?

— А чего ты про меня будешь думать?

— Ну, кем ты будешь, когда вырастешь.

— А кем я буду?

— Ну, допустим, космонавтом или ученым.

— Знаешь, папа,— сказал мальчик,— что надо бы сделать?

— Ну?

— Что-нибудь вроде солнца, чтобы оно всегда здесь висело и никуда не уходило и от него всегда тепло всем было и росла трава.

— Что ж, это правильно,— согласился отец,— поддерживаю твое предложение.

— Ну, а если я стану космонавтом?

— Что ж, можно и космонавтом.

— А представляешь, попаду я на другую планету, и как это трудно там всех наших людей одним собой представлять, я же не самый лучший!

— А ты старайся быть хорошим.

— Да у меня не получается.

— Почему?

— Ну, вру я очень всем и тебе вру. Не могу я без мамы, слышишь, не могу,— мальчик всхлипнул,— а должен притворяться, что могу, чтобы тебя не расстраивать!

— Я тоже не могу,— сказал глухо отец,— и тоже перед тобой притворяюсь, что могу. Так, значит, я очень плохой, по-твоему, да?

— Нет,— воскликнул мальчик,— нет, я знаю, ты даже из-за меня жить остался!

— Не только из-за тебя,— сказал отец. Он осторожно отстранил от себя плечом мальчика, объяснил: — Обожди, сейчас подъем будет, круча.

Мотор взревел, траки гусениц ерзали по диабазу и грохотали так, как грохочут камнедробилки. Машина медленно вползала на горный перевал, и, когда достигла вершины, впереди, в тундровой низине, блеснуло созвездие огней, мигающих в снежном потоке пурги.

— Вот и наша стройка,— сказал отец.

— Так близко! — воскликнул мальчик.

— Нет,— сказал отец,— это еще очень далеко. Только сверху кажется, что близко. Сверху все кажется близким.

Попов выключил сцепление, машина остановилась, мерно гудела мотором и источала тепло.

— Ну,— сказал отец,— теперь пусть ведет машину Александр Васильевич. Спуск — дело опасное.

— Ты боишься?

— Боюсь,— сказал отец.

— Можно разбиться и умереть?

— Да,— сказал отец.

— А если нас с тобой не будет? Значит, ничего не будет, ничего?

— Почему же ничего? Останется поломанная машина. Ну и вместо нас будут думать другие люди про все, о чем мы думаем, и про многое вообще другое. Жизнь на земле — штука, знаешь, вечная!

— А мама?

Попов потолкал ногой тормозную педаль, сказал озабоченно:

— Надо поглядеть, может, тормозная жидкость протекает,— и хотел открыть дверцу. Но мальчик потребовал:

— Нет, ты не уходи, я хочу знать!

— Ну что ж мама? — печально сказал инженер.— Ее нет, а есть ты, и если бы не было никогда мамы, не было бы тебя.

— А тебя? — спросил мальчик,— ты был бы?

— У меня была своя мама, ну, твоя бабушка.

— Но наша мама самая лучшая?

— Да,— сказал отец.

— И лучше ее на свете нет и не будет?

— Нет, не будет,— сказал отец.

Из балка вышел механик, подошел к вездеходу, открыл крышку капота и стал копаться в моторе.

Евгений Иванович вылез на землю, подхватил сына на руки, поставил рядом с собой, предложил:

— Давай разомнемся, пока Александр Васильевич из бочки в бак горючее сольет.

— Давай погуляем,— согласился мальчик.

Они поднялись на черный, обдутый ветрами каменный выступ диабаза. Мальчик зажмурился от снега, прижался к отцу лицом, потом взял его руку в свои, сжал изо всех сил.

— Больно?

— Нет,— сказал отец.

— Значит, я еще такой слабый?

— Нет,— сказал отец,— ты у меня уже сильный, очень сильный. По-настоящему сильный.

Механик, кончив переливать из оранжевой бочки бензин, влез в кабину и помахал Евгению Ивановичу рукой.

В балке уже все спали. Обе нижние койки были свободны. Евгений Иванович разобрал постель сыну, укрыл одеялом, прижался лицом к его лицу, подышал детским чистым теплом его. Погасил плафон, зажег маленькую настольную лампу в кокетливом шелковом абажуре, лег на спину, и, закусив нижнюю губу, не мигая, смотрел перед собой на качающуюся на вешалке гимнастерку сержанта.

Балок визжал полозьями, и в пластмассовых выпуклых окнах мелькали отвесные стены горной кручи.

Студенческое проектно-конструкторское... Руководитель проекта инженер В. С. Эскин (слева) и студент Юрий Сошка.

СТУДЕНТЫ

О. КУПРИН

Фото А. УЗЛЯНА.

Это здание я нашел бы с закрытыми глазами, хотя не был в городе много лет. Есть города, улицы, дома, комнаты, которые память хранит с особой тщательностью. И всегда хочется знать: а что там сейчас? Чем больше проходит времени, тем сильнее тянет туда.

...Днепропетровский горный институт. Длинные коридоры были похожи на бурные реки. Вдруг эти реки неожиданно побежали вспять, отдали всю свою энергию притокам и замерли, опустели. Притоки — аудитории и лекционные залы.

Занятия в институте начинаются не по звонку, а по сирене. Именно в этих коридорах мои сверстники слышали другую сирену, страшную, зловещую,—сигнал воздушной тревоги. Это было летом сорок первого.

В подвалах Горного института тогда устроили бомбоубежище. Там помещались и лаборатории. На столах стояли колбы, реторты, какие-то хитрые приборы. И тут же на скамейках сидели мы, ребятишки с окрестных улиц. Сидели тихо, словно боялись, что наши голоса услышат фашистские летчики, и думали свои тревожные ребячьи думы.

А однажды один серьезный второклассник устроил тут урок: принес в бомбоубежище букварь и показывал своим несмышленым друзьям буквы. Когда объявляли отбой, мы начинали свою любимую игру в шахтеры.

Потом вылезали из спасительного подземелья и шли по домам. По пустынным, гулким коридорам, мимо аудиторий, усыпанных стеклами разбитых окон. Институт уже эвакуировался, а недавние студенты дрались с фашистами, быть может, неподалеку от Днепропетровска. Наши мамы, наверное, глядя на нас, вздыхали: «Несчастные дети. Что-то с ними будет...»

И вот опять пустые, гулкие коридоры. Сирена. Прошел двадцать один год... В институте — рабочий день. Именно **рабочий**. Потому что теперь здесь учатся рабочие, шахтеры. Даже стипендию многим присылают в институт из шахт. Почти у каждого за плечами работа под землей или в геологоразведочной партии. Почти у каждого рабочие руки, рабочий взгляд на жизнь и почти одинаковые рабочие биографии. Как раз то самое поколение, которое встретило войну в 8—10 мальчишеских лет.

Я разговаривал со многими. Вот один из них, Альберт Солодилов. Название города, откуда он приехал, говорит о его профессии — город Шахтерск. Работал горным мастером на шахте «Давыдовка». Был там секретарем партийной организации и сейчас секретарь партийного бюро второго курса. Нравилась ли работа? Да, нравилась. Женат? Да, женат. Есть дети? Двое.

Можно было бы задать еще много вопросов. Ради чего оставил любимую работу, променял солидные шахтерские заработки на студенческую стипендию? Ради чего...

Я не задавал таких вопросов, потому что скромному человеку трудно на них отвечать. Герои не любят рассказывать о своих подвигах. А учеба для них подвиг. Пусть маленький, незаметный, будничный, но подвиг.

Я видел их в аудиториях и на лабораторных занятиях, на экзаменах и в комнатах общежитий, молодых горняков, сосредоточенных, вдумчивых, серьезных. Они

не просто слушают лекции и не просто копаются в горных машинах, чтобы не попасть впросак на экзаменах. Они обо всем судят конкретно, с большим знанием дела. Они могут поспорить с преподавателем, и такие споры обычно начинаются словами: «А у нас в забое...» Они могут покритиковать учебник, если что-то в нем уже устарело.

Помню, как несколько лет назад один старый ленинградский рабочий рассказал мне такую историю:

— Еду мимо кораблестроительного института. Смотрю, а там машин десятка два. Чьи же это, думаю. Зашел. Поинтересовался. Отвечают: студенты на занятия приехали. Попросил, чтобы собрали мне этих автолюбителей. Пришли. Спрашиваю: а кто из вас сам заработал деньги на машину? Оказалось, никто. Папы да мамы заработали и подарили сынкам. Ох и зло взяло на этих пап и мам! Потом такой инженер с папиной «Волгой» будет руководить рабочими. Да никакого у него морального права на это нет! Не подарками надо воспитывать молодежь, а трудом.

Во дворе Горного института тоже стоит «Волга». Я спросил:

— Чья?

— Студента,— был ответ. — Проработал в лаве лет пять. Зарабатывал неплохо. Но вот тоже решил получить высшее шахтерское. Учится уже на третьем курсе.

Такого никто не упрекнет за «Волгу», хотя он тоже студент. Только совсем другой. Студент-рабочий с большими моральными правами и обязанностями. И забот у таких гораздо больше, чем у студентов недалекого прошлого, приходивших в институты из школ. Пока они кажутся немного нетипичными студентами, но это только «пока».

В общежитии, в вестибюле, на столе лежат письма и телеграммы. Одна телеграмма — вызов на междугородный переговорный пункт. Вызывает шахта. Быть может, хотят посоветоваться с бывшим горным мастером по какому-то трудному вопросу. Теперь-то ему виднее: он не только горный мастер, знающий свою шахту, свой участок со всем его сложным подземным хозяйством, но еще и студент, изучающий теорию.

Над чертежными досками склонились несколько парней. На ватманах — схема нового карьера. Нужно решить, как наиболее эффективно вести его разработку. Карьер не абстрактный, не взятый для примера, а самый конкретный. Правда, его еще нет, но он обязательно будет. А как скоро? Это зависит и от парней, склонившихся над чертежными досками. Здесь работает студенческое проектно-конструкторское бюро.

Я видел институтскую фотовыставку. Там было много хороших снимков. Особенно запомнился один. Простой, бесхитростный. Сверху снята группа. Человек десять. Идут, видно, о чем-то спорят. Подпись под снимком: «Вечерники». Их много в Днепропетровском горном. За три года стало в тридцать раз больше.

По бульвару, что перед институтом, медленно идет мужчина. В одной руке у него тетрадь с конспектами, другой он толкает перед собой детскую коляску. Из нее с интересом смотрят на мир близнецы. Это папа-студент готовится к защите дипломного проекта.

Когда-то институты называли бастионами науки. Нет теперь бастионов и крепостей, отгороженных от мира высокими стенами. Никто теперь не скажет, где проходит граница, например, Горного института. Толстые стены, за которыми днепропетровские ребятишки в сорок первом прятались от фашистских бомб? Нет. Студенты взяли под свою опеку прилегающие к институту улицы — благоустраивают и украшают их. В прошлом году каждый студент 80 часов отдал комсомольским стройкам города.

Может быть, город стал теперь границей вуза? Нет. Преподаватели разъехались по шахтам Донбасса готовить новое пополнение института. Студенты отправились на практику. Это только так говорится и пишется в документах — на практику. Они работают. И не три недели, а двадцать три. И не только работают, но и делают еще массу полезных вещей. Они приносят на шахты и в геологические партии новейшие достижения горной науки. В позапрошлом году они прочли 300 лекций, в прош-

Летний день. Общежитие.

Папа готовится к защите дипломного проекта.

Преподаватель Михаил Белый, он же студент II курса.

лом — 526, за четыре месяца этого года — 685.

И к этому их тоже готовит институт. Специально организована школа общественных профессий.

В Днепропетровском горном пока четыре факультета. Говорят, что скоро появится пятый. Зато деканов больше. Владимир Батура — пятый декан. Он не доктор наук и даже не кандидат. Он студент. Факультет, которым ведает Батура, небольшой — две группы по двадцать человек, восемь преподавателей. Название — подготовительные курсы для поступающих в институт. Занятия проводятся в аудиториях института и в цехах днепропетровских заводов.

Я был на таком занятии. Преподаватель Михаил Белый (он же студент второго курса) решал с девчатами с завода шахтной автоматики геометрическую задачу. И вспомнился второклассник, который двадцать один год назад во время фашистской бомбежки учил своих младших друзей читать. Дети стали взрослыми...

В институте я не нашел ни одного человека, которому можно было бы задать вопрос: «Ради чего ты все это делаешь? Ведь все эти дела, не запланированные учебной программой, не прибавят ни копейки к твоей стипендии, к будущей зарплате». Судьба каждого говорила сама за себя.

...Я стою в небольшой комнате, служившей когда-то бомбоубежищем. Кто-нибудь из тех мальчишек, кто был здесь летом сорок первого, быть может, ныне учится в этом институте. Прошел двадцать один год. Сейчас тут лаборатория рудничной вентиляции и техники безопасности. Тихая, мирная комната. В соседней на стеллажах лежат костюмы, похожие на одежду космонавтов,— амуниция для горноспасательных работ.

— Все это нужно обязательно знать, но лучше сделать так, чтобы об авариях мы говорили только в прошедшем времени,— сказали мне в лаборатории.

И я подумал: как было бы хорошо, если б и о бомбоубежищах мы тоже всегда говорили в прошедшем времени. Но помнить все нужно...

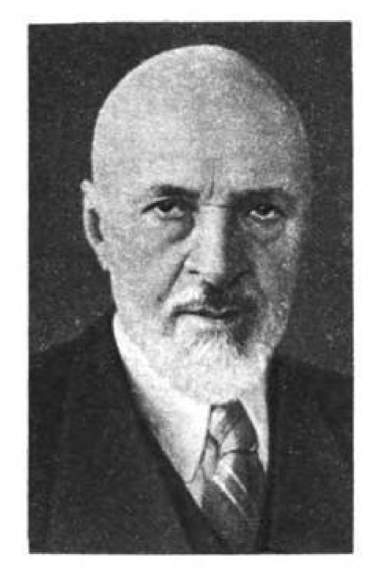
Кончается учебный год. Бурлят реки-коридоры. Студенты растекаются теперь по сотням шахт и геологических партий. Студенты опять становятся шахтерами.

Амуниция для горноспасательных работ — почти как у космонавта.

СЫН РОССИИ

С. КОНЕНКОВ,
народный художник СССР,
лауреат Ленинской премии

Самое большое значение в течение всей жизни имела для меня любовь к Родине в самом широком смысле слова. Любовь не только к ее природе и городам, но и к народу с его историей, бытом, творчеством...— не однажды говорил и писал Константин Федорович Юон.

Вспоминая встречи с Юоном, его строгое и ласковое лицо, его постоянную увлеченность работой, перебирая в памяти многое из сделанного им за большую, ярко прожитую жизнь, убеждаешься: любовь его была плодотворной.

Он нашел свои краски, свою точку зрения, еще в молодости принявшись писать «портрет» любимой Родины, десятилетиями щедро отдавал ей знания, опыт, талант. Он без колебаний принял великое обновление Родины. Республике Советов Юон отдал свое искусство, свое сердце.

Это было при встрече несколько лет назад. Юон рассказывал о себе, как ребенком он испытал чудесное, будоражащее состояние, когда начинал сознавать — ты житель великой Москвы, ты ходишь по улицам, где юный Петр командовал «потешными» войсками, а вот сейчас ты находишься на площади, через которую везли на «позорной» телеге Емельяна Пугачева... Да куда ни ступи — захватывающая, стремительная история государства Российского напоминает о себе, увлекает, ведет за собой...

Как много значат во всей, порой долгой и богатой событиями жизни человека годы детства и отрочества. Для меня навсегда Караковичи на Смоленщине — это и непреходящая мудрость простых людей, и щедрая красота родной природы, и источник веры в талантливость русского народа.

Пусть мне не узнать ныне той глухой деревеньки далекого детства (годы меняют облик земли и людей), но каждый шаг босых ног по петляющим над Десной лесным тропинкам живет в памяти.

Детство же Юона прошло в Москве, в тихом, уютном доме на одной из Мещанских улиц, неподалеку от Садового кольца. В семье здравый порядок: все вовремя, все в меру. Это воспитывало аккуратность, любовь к устойчивому быту, постоянству. Жизнь в отроческие годы на Лефортовской окраине пробудила интерес к архитектуре и истории. Здесь все было связано с беспокойным гением Петра, все подталкивало творить, пробовать. Два начала, сталкиваясь в душе живописца, высекали искры вдохновения, помогали рождению юоновской самобытности... Москва! Беспокойное это место для русского сердца!

Камни Москвы заставили в свое время трепетать Сурикова и Репина, Васнецовых и Нестерова, Поленова и Рябушкина. Знать, круто замешена на народной крови земля московская, коль, прильнув к ней, находили художники такие краски и такие силы в себе, что Москвой напетое, услышанное невзначай становилось искусством высокой страсти и пугающей красоты.

Для каждого из нас Москва — и море мудрости, и вечно живая история, и матерь земли нашенской, и повивальная бабка новорожденных талантов.

Юон всю жизнь был звонкоголосым певцом древней столицы. Москва во все времена была его духовной прародительницей.

Помню Костю Юона в рисовальных классах Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Я шел на год или на два впереди, но рисовали мы в одном помещении. Юон невольно обращал на себя внимание. В работе он был всегда сосредоточен, внешне спокоен. Рисовал уверенно, точно, очень профессионально и всегда с мыслью. Помню осенний просмотр этюдов. Учащиеся толпятся вокруг высокого, стройного юноши Юона. Тверь, Кострома, Нижний Новгород, Ярославль, Углич в его набросках, добротно сделанных этюдах-картинах представали сказочно прекрасными градами. Стройные, яркие по сочетаниям красок церкви, на площадях шумит торговый и прочий люд, в темной зелени старых лип и дубов утопают веселые, нарядно раскрашенные провинциальные домики. А вот и сами провинциалы. Вся их жизнь, интересы и радости налицо.

Тут же и московские виды. Это особенно интересно: каждый из нас к Москве приглядывался. Мальчишка с собакой, бродяги, разыскивающие «сокровища» на городских свалках. Видно, за живое задела молодого живописца несправедливость жизни. «Что ж, хорошо, — думалось мне, — раз сочувствует им — значит, совесть того требует». А вот что-то очень красивое. «Ночь. Тверской бульвар» — таинственные силуэты фигур, яркий свет фонаря. «Тройка у старого Яра» — того самого Яра, который так памятен нам, старикам москвичам. И не похожестью дорог рисунок, а остротой выражения, запечатленным в красках чувством, какое испытываешь, подъезжая к «Яру».

Мягкий, внимательный, деликатный Юон выделялся среди товарищей цельностью характера. У него был прирожденный талант педагога. Это чувствовалось по тому, как основательно и толково отвечал он на любые вопросы любопытствующих учеников. И не случайно вскоре после окончания училища он открывает художественную школу. Я учился в ту пору в Петербурге, но и туда доходили известия об успехах школы Юона. Там прошли курс скульпторы В. Мухина, В. Ватагин, художник В. Фаворский и другие русские таланты. Да не просто прошли, а и сами стали и учить и вести за собой молодежь. Так и передавалась через года эстафета.

Не могу утверждать, с какой мерой осознанности Юон принялся за педагогическую деятельность, но, думается мне, это шло от совершенно трезвого расчета: одному-то все равно и в три жизни не поднять величественной громады, имя которой — любовь к Родине. Этот человек умел распоряжаться сокровищами своей души. Он был прав: знания — капитал оборотный, их в сундук не свалишь.

Но педагогическая работа никогда не заслоняла от Юона жизни. Он много путешествовал по России, пристально изучая красоту родной земли. Каждая выставка с участием Юона приносила нам новые радости. История и современность в его картинах преспокойно уживались. Мало того, образовывали чудесный по краскам и живости выражения сплав. Среди древних архитектурных ансамблей и старинных посадов у Юона живут, действуют сотни и тысячи русских людей той поры. В сценах, происходящих вблизи исторических мест, он открывает для себя и для зрителей органическую связь прошлого с настоящим. Дух истории, переходящие от поколения к поколению черты народного характера, замашки и привычки людей из толпы, весь строй картин безошибочно определяют тогдашний стиль русской жизни. Его картины загорского цикла — «Гулянье на Девичьем поле», «Вербный базар на Красной площади» — с их дивными красками — это художественные документы, бесценное подспорье всякому, кто изучает то время. Здесь все: и солнечный свет, и костюмы, и характер движения толпы, и ликование этой праздничной, яркой архитектуры — сама художественность, сама органическая сущность живописного искусства.

Говоря о К. Юоне, мне приятно вспомнить сегодня, что мы с ним были вместе в горячие дни штурма Кремля в 1917 году. Кремль, освобожденный от юнкеров, стал для нас обоих объектом изучения. С этюдниками в руках мы в один и тот же день вошли в Кремль, чтобы запечатлеть исторические деяния народа.

Я очень люблю юоновское «Утро индустриальной Москвы». Эта поздняя работа Константина Федоровича убеждает в том, что задача постижения стиля и характера новой деятельной жизни народа оказалась ему по плечу. Взгляд на Москву с высокого места, стройные высокие деревья, стройные люди идут навстречу друг другу, сложный и гармоничный ансамбль труб, корпусов заводских зданий вдали, свежий перламутровый колорит картины — все это безошибочно определяет новое время, поэтизирует труд, дает колоссальную зарядку бодрости.

О новой, советской жизни широко, живописно говорит нам другая работа К. Юона, «Песни колхозной молодежи». Услышал песню художник и заставил звучать ее всегда — это ж замечательно! И небезынтересно, как и где поется песня, да и какая она. Величавы деревья, подступившие к деревенским домам, нарядны поющие девчата и заманчивы светлые стежки, по которым вышли они с весельем на просторную улицу. Полнокровна живопись этого полотна, понятны и привлекательны символы, вызванные к жизни мудростью художника.

И опять Москва... В суровую годину войны, в день ноябрьского парада 1941 года, старый и очень мирный от природы художник увидел родной город совсем иным — прекрасным, разгневанным, мужественным, спокойным...

Наш народ любит и знает глубоко патриотическое искусство Юона. Знает его ставшие хрестоматийными картины-пейзажи «Русская зима», «Весенний солнечный день», «Мартовское солнце». Сколько в них торжествующей музыки, величавой красоты!

Русь всегда была прекрасной и величественной, утверждает своим творчеством художник, нельзя не любить ее! Ей готовы мы отдать все свои силы, все лучшее в нас.

К. ЮОН. 1875—1958.

НОЧЬ. ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР. 1909.

Государственная Третьяковская галерея.

ПРОВИНЦИАЛКИ. 1920 годы.

Собрание К. А. Юон.

ПЕСНИ КОЛХОЗНОЙ МОЛОДЕЖИ. 1954.

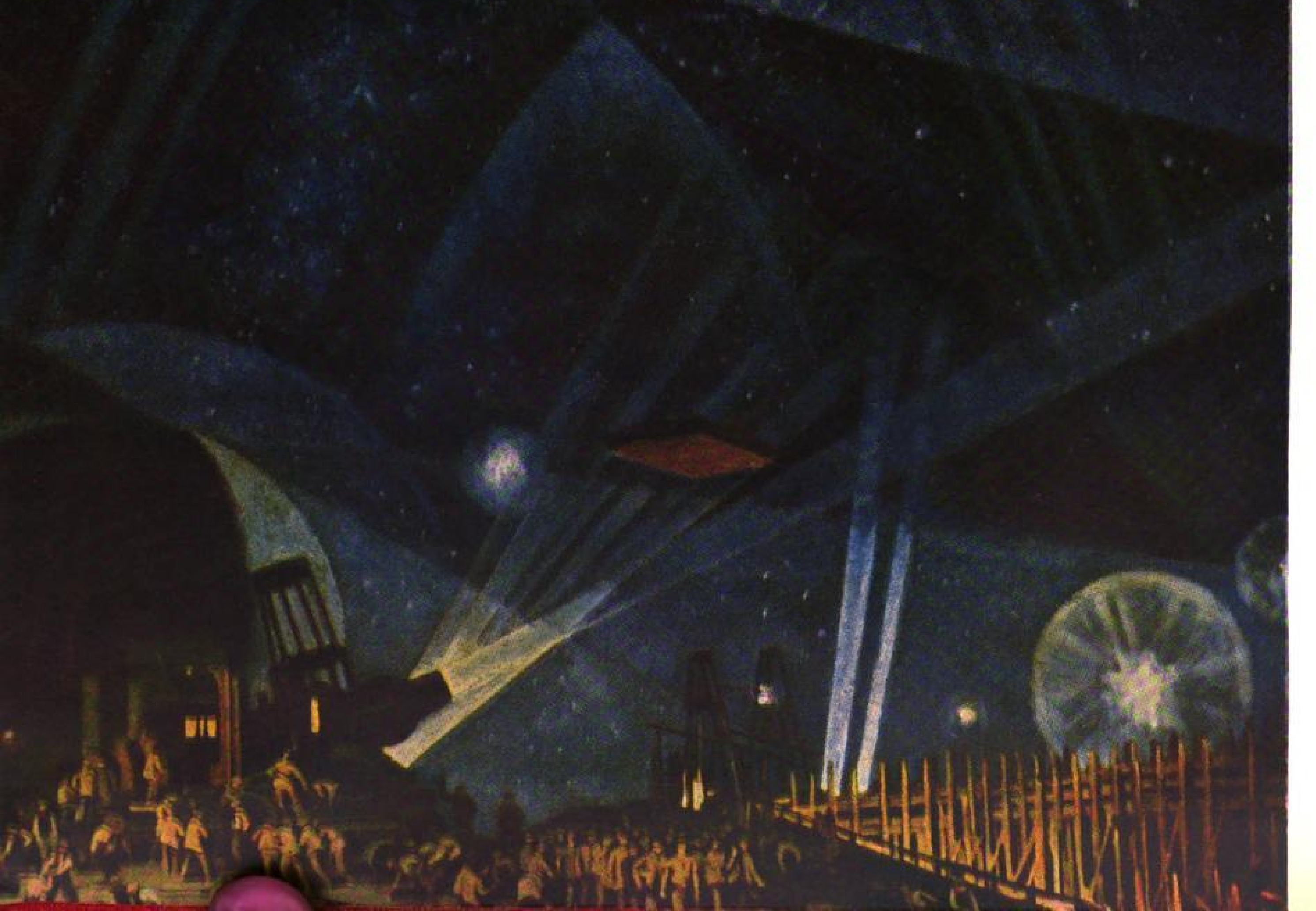

Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки.

ПАРАД КРАСНОЙ АРМИИ.
1923.

Частное собрание.

ЛЮДИ. 1923.

Собрание К. А. Юон.

ПО МЫСЛИ ЛЕНИНА

«Роман-газете» 35 лет

Сотнями тысяч экземпляров издаются у нас романы: советские и зарубежные, старые и новые; романы семейные и социальные, психологические и приключенческие. Романы выпускаются центральными, областными и республиканскими издательствами. Но, пожалуй, больше других выпускает романов и повестей специальная редакция при Государственном издательстве художественной литературы — редакция «Роман-газеты».

Она отмечает в эти дни свое тридцатипятилетие, а могла бы отмечать уже сорокалетие, — с этого и начал свою беседу заведующий редакцией Виктор Григорьевич Ильинков. Дело в том, что мысль об издании в нашей стране роман-газеты принадлежит Владимиру Ильичу Ленину. В 1921 году он писал: «Если французские буржуа еще до войны научились, чтобы наживать деньгу, издавать романы для народа не по 3½ франка в виде барской книжечки, а по 10 сантимов (т. е. в 35 раз дешевле, 4 копейки по довоенному курсу) в виде пролетарской газеты, то почему бы нам — на втором шаге от капитализма к коммунизму — не научиться поступать таким же образом?»

Ленин, видевший в литературе действенное средство коммунистического воспитания масс, считал необходимым дать в руки рабочего и крестьянина талантливую, умную, дешевую книгу.

Только в 1927 году начали выпускать советскую роман-газету в издательстве «Московский рабочий». В одном из первых номеров создатели этого массового литературного издания писали: «Словно по заданию Ленина «Московский рабочий» приступил к изданию «Роман-газеты». Несомненно, стоит пожалеть, что мысль, высказанная Лениным в 1921 году, не была осуществлена до 1927 года. За шесть лет при тиражах «Роман-газеты» были бы обслужены десятки миллионов пролетарских читателей».

Выход советской роман-газеты приветствовали крупнейшие литераторы, общественные деятели и прежде всего сами читатели.

Не сразу определился облик советской роман-газеты. В первые годы в ней печатались и воспоминания, и пьесы, и произведения классической литературы, вышедшие десятки лет назад. В то же время создатели роман-газеты с самого начала взяли курс на публикацию лучших романов отечественной и зарубежной литературы — А. М. Горького, А. Серафимовича, Л. Леонова, К. Федина, А. Фадеева, М. Шолохова. Книги Анри Барбюса, Анны Зегерс, Вилли Бределя, Этель Лилиан Войнич, напечатанные в роман-газете, проникли в самую гущу многомиллионного читателя.

— Мы с уважением относимся к лучшим традициям нашей роман-газеты, — говорит В. Г. Ильинков.— Но мы были бы плохими наследниками, если бы не развивали эти традиции. В последние годы определился тип издания, сформировался характер роман-газеты. Это — массовое оперативное издание, пропагандирующее талантливые книги многонациональной литературы Советского Союза, братских социалистических стран, лучшие произведения прогрессивных зарубежных писателей.

Эпическое повествование о современности — таков основной критерий в отборе произведений для роман-газеты.

Получая письма от читателей, изучая их запросы, мы пришли к выводу, что основной курс роман-газеты на роман и повесть правилен и тут возможны лишь редкие исключения.

Ежегодно выходит двадцать четыре выпуска роман-газеты, это примерно 18—19 произведений в год. Выбрать их из большого потока выходящей литературы подчас нелегко.

Мы ищем талантливые вещи у авторов, в портфелях издательств и в зарубежных изданиях. Писатели знают, что в роман-газете не просто перепечатывают рукопись. Например, роман Сергея Залыгина «Тропы Алтая» вышел в роман-газете в дополненном виде по сравнению с публикацией в «Новом мире». Повесть дальневосточного писателя Павла Халова «Пеленг 307» еще не вышла в журнале, а редакция над ней уже работает вместе с автором.

Тираж «Роман-газеты» за тридцать пять лет вырос в десять раз: прежде было пятьдесят тысяч, а теперь полмиллиона экземпляров. По подписке расходится почти четыреста тысяч. Заявлений на подписку гораздо больше. В киосках «Союзпечати» «Роман-газета», как известно, не залеживается. Очевидно, пришло время увеличить ее тираж.

В заключение В. Г. Ильинков показывает, как оформлялась роман-газета. Пожелтевшие газетные страницы первых номеров сменяются самыми свежими выпусками в красочных обложках, оформленных строго и со вкусом. На книжках фотографии авторов, среди них писатели, любимые народом, прославившие нашу литературу на всех континентах.

В. АННЕНКОВ

Марк ШЕХТЕР

* * *

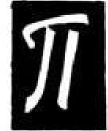
Мне это слово — «половина» —
Не по нутру, не по нутру!..
Летит в лицо снегов лавина —
Стой, улыбаясь, на ветру.
А если в небе засверкало —
Пусть грянет гром в твоей груди.
Живи, живи не вполнакала
И не вполглаза вдаль гляди.
Полулюбовь пуста, наверно,
Как полуправда, полугрусть;
Все, что на свете лицемерно,
Косым дождем проходит пусть!

МАЯКОВСКИЙ

Сперва пиджак на стул повесил,
Афишу к рампе приволок...
И вдруг перед рядами кресел
Зарокотал земной пророк,
Веселый первооткрыватель,
С заглавной литеры Солдат,
Сердец неведомых читатель,
Одетый в штатское набат,
Кузнец пред раскаленным горном,
Кующий богатырский век —
Без фартука,
трудом упорным,—
Рабочий сильный человек.
А как он понимал молчанье,
Как сердца робость понимал,
Как задушевного звучанья
Катил на нас девятый вал!..
Пото́м — растерянны, не ярки —
Мы за кулисы шли впотьмах,
Гостеприимства контрамарки
Смущенно комкая в руках.
Пусть спорят: гений иль не гений?
Он врезан в нас иной чертой:
Неловкой прямотой суждений
И мысли грозной остротой.

ПЕСНЯ НАРОДА—КУПАЛА

Прошло восемьдесят лет со дня рождения Янки Купалы и почти шестьдесят с того дня, когда впервые взволнованно и печально прозвучали его слова:

У белорусов же нет и поэта,
Пускай же им будет хоть
Янка Купала.

Сын мелкого арендатора из безземельных крестьян, Янка Купала (Иван Доминикович Луцевич) с детства испытал нужду и горе, тяжелый, безрадостный труд на помещичьей земле.

Первое стихотворение Янки Купалы появилось в печати в мае 1905 года. Начало его литературной деятельности тесно связано с первой русской революцией, а ее расцвет — с торжеством революции социалистической. Вместе с Якубом Коласом Купала закладывал основы подлинно народной, новой белорусской литературы, неутомимо поднимал словесные пласты «на скудном поле Беларуси», создавая современный белорусский язык.

Когда мы читаем чудесные песни и поэмы Купалы, перед нами возникает живая история героического, трудолюбивого белорусского народа, словно в лучах солнца встает замечательная страна Беларусь — родная сестра России.

В своем дореволюционном творчестве Янка Купала отразил вековую ненависть народа к угнетателям, готовность беззаветно бороться за свободу и счастье, за новый, светлый день человечества. Стихотворения Купалы, собранные в сборниках «Жалейка» (1908), «Гусляр» (1910), «Дорогой жизни» (1913), — «это крик, что живет Беларусь», что народ завоюет свое право «людьми зваться».

В песнях Купалы билась, скорбела и негодовала, «горела болью», жаловалась и бунтовала живая душа народа.

В душные годы царизма стихи Янки Купалы призывали на решительную, непримиримую борьбу против угнетателей народа:

Смерть тому, кто у голодных
Пищу отбирает,
Кто на наш народ свободный
Цепи надевает.

Янка Купала был настоящим, большим поэтом и беззаветно смелым бойцом. Максим Горький назвал его «неутомимым соратником, поэтом-революционером».

Белорусский народ, в течение столетий лишенный возможности пользоваться печатным словом, создал необычайно яркую и богатую устную поэзию. Купала, как никто другой, смог уловить ее неповторимую музыку, впитал ее могучую, бессмертную силу.

Войдя в литературу как «поэт-самоучка», он быстро стал художником большой поэтической культуры. Уже в ранний период своего творчества Купала выступает носителем и продолжателем не только замечательных традиций белорусской народной поэзии, но и высоких традиций поэзии Пушкина и Некрасова, Шевченко и А. Мицкевича, Л. Кондратовича и Беранже.

Победа советского строя, победа идей социализма в нашей стране вдохнула в Янку Купалу новые силы, открыла перед ним широкий, светлый путь служения народу. «А великое чудо уже ходило по белорусским хатам, — рассказывал поэт, — хлебом-солью встречал народ ясную ленинскую правду. И я ей поклонился до земли. И плохо ли, хорошо ли — спел ей свои песни. Пел я о свободном народе, о яркой, солнечной стране, о счастье... Когда половину жизни поешь о горе, нет ничего радостней для поэта на свете, как право на счастливую песню».

Янка Купала стал пламенным певцом новой, социалистической Белоруссии. В советское время написаны многие известные его стихотворения и поэмы: «Лен», «Уходящей деревне», «Над рекой Орессой», «Тарасова доля», «Алеся», «Вечеринка», «Гости» и другие.

В искренних, идущих от сердца стихах и поэмах, в ярких, вдохновенных статьях Янка Купала выступал горячим пропагандистом ленинской дружбы народов. Исключительно душевно, любовно писал он об Украине, Грузии, о вечно молодой Москве, о чистейшей и безграничной любви к великому русскому народу, о том, что белорусский народ «на протяжении всей своей истории, с древнейших времен, оберегал свою кровную связь с русским народом».

Евг. МОЗОЛЬКОВ

М. ЛИСЯНСКИЙ

АЛМАТИНКА

Алматинка — узкая тропинка —
Летит с Небесных гор во весь
опор.
Алматинка — тонкая тростинка —
Со звездами заводит разговор.
Алматинка — на камнях
лезгинка:
Клокочет пена,
Кружится былинка,
Касаясь изумрудного плеча
Черноствольного карагача.
Алматинка — острая рапира,
Серебряный клинок,
Булатный нож...
Среди бессчетных рек
На карте мира
Ее, как ни старайся, не найдешь.
Она несется через все пороги,
Прокладывая для себя дороги,
Не преклоняясь перед
высотой,—
Характер у нее крутой.
И что ни шаг,
То яростнее сила,
И что ни миг —
Стремительней полет.
Алматинка на себя взвалила
Семь гидростанций —
И легко несет!

ДВОЕ ПРОТИВ СМЕРТИ

Мичман В. Камаев наблюдает за больным В. Беньямином в камере.

С Финского залива дул порывистый ветер. Ленинград готовился ко сну. В одном из учебных подразделений флота в комнате дежурного тревожно зазвенел телефон.

— Вероятна тяжелая форма кессонной болезни. Состояние рабочего Беньямина вызывает серьезные опасения. Только вы можете помочь,— сообщили дежурному офицеру.

— Срочно везите больного,— распорядился тот.

Владимир Беньямин работал в кессоне на большой глубине. Внезапно почувствовал резкую боль в суставах. Врач «Скорой помощи» не смог распознать характер болезни. Между тем у больного отнялись ноги. Только к вечеру участковый врач решил обратиться к военным морякам.

...Вскоре в часть прибыла санитарная машина с больным.

К тому времени дежурный уже вызвал водолазов: капитан-лейтенанта Юдина и мичманов Камаева и Данько. Послал за врачом. Но больной находился без необходимого лечения 12 часов. А при кессонной болезни это роковой срок. Владимиру Беньямину грозила смерть или паралич. Нельзя было терять ни минуты.

Без врача капитан-лейтенант Юдин сумел правильно поставить диагноз и, взяв на себя всю ответственность за жизнь человека, приказал поместить больного в рекомпрессионную камеру. Вместе с больным в камеру вошли мичманы Данько и Камаев. На центральный пост у камеры стали старшина 1-й статьи Мастицкий, старшины 2-й статьи Шапито, Карамиля, Воднчук и Братик.

Дали воздух. Давление 5 атмосфер. Улучшения нет. Боли в суставах не прекращаются. Стрелка манометра медленно ползет к цифре 6, минует ее и двигается дальше. В камере тесно, трудно дышать. Сжатый воздух больно давит на барабанные перепонки. При давлении 7 атмосфер у людей начинают появляться первые признаки азотного наркоза. Их клонит ко сну.

Сменяя друг друга, Камаев и Данько ни на минуту не перестают наблюдать за больным и поддерживать связь с матросом, который следит за режимом рекомпрессии. Время в камере тянется бесконечно медленно. Жарко, тяжело, но двое моряков упорно борются за жизнь рабочего. И вот наконец у Владимира Беньямина начинают постепенно прекращаться боли. Можно снижать давление!

...Через 30 часов двери камеры наконец отворились. Первым выходит Владимир Беньямин. Он радостно улыбается, облегченно расправляет плечи и крепко пожимает руки мичманам Виктору Камаеву и Леониду Данько.

— Спасибо, ребята, вы мне спасли жизнь...

— Спасибо, товарищ,— благодарит Владимир Беньямин мичмана Камаева.

Фото Н. Карасева.

Капитан-лейтенант А. БЕРДЕННИКОВ, В. РОДИОНОВА

ЕЩЕ ОДНА НОВОСТРОЙКА

Заканчивается строительство и монтаж основных объектов капролактамового производства на Руставском азотнотуковом заводе. Отныне, кроме минеральных удобрений, завод будет давать стране сырье для синтетического волокна.

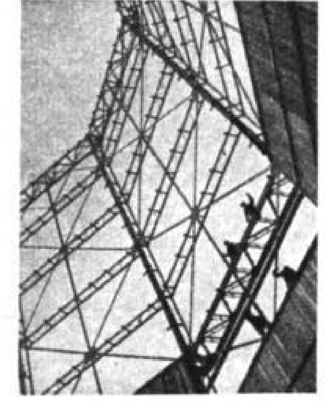

Фото В. Джейранова.

ДАР ПИОНЕРАМ

Многие москвичи видели эту диораму на выставке изделий народного творчества.

...В Москве праздник. На залитой солнцем площади звучит музыка. Молодежь танцует, кружится на карусели, смотрит веселый концерт. Но вот наступает вечер. На улицах зажглись фонари, в окнах домов засияли огни. Постепенно стихает музыка. Слышится перезвон курантов на Спасской башне. С последним боем часов гремит салют, и под лучами прожекторов рассыпается ослепительный фейерверк. Затем снова солнечный день. Все повторяется сначала.

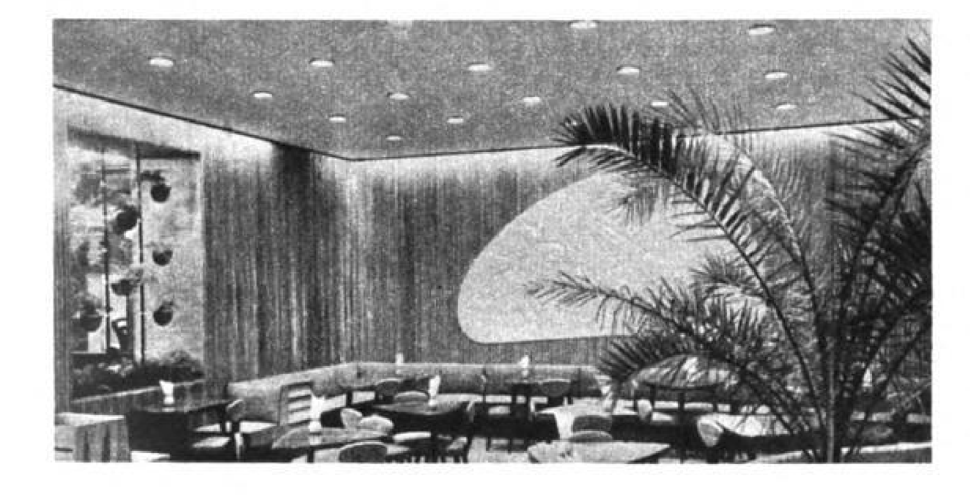
Диораму «Праздник в Москве» создали сотрудники Научно - исследовательского института игрушки в Загорске. Тут она и находилась до последнего времени. А когда пионерская организация отмечала свой сорокалетний юбилей, диорама была передана в дар новому Московскому Дворцу пионеров.

В. ГОЛОВАНОВ

Диорама «Праздник в Москве».

ПРОЕКТИРУЮТ БРАТЬЯ НАСВИТИСЫ

Из поколения в поколение передается в Прибалтике предание о морской красавице Неринге. Ее именем названо и новое кафе на центральной улице Вильнюса.

Посреди холла — фонтан. Красные, синие, зеленые брызги взлетают над водоемом. Мебель в залах, витражи, украшения на потолке — все выдержано в простом и строгом стиле, все соразмерно и необычно. А вдоль стен будто плывет цветная роспись — эпизоды легенды.

«Неринга» построена по проекту братьев Витоутаса и Алгиса Насвитисов. Имена этих молодых архитекторов известны не только в республике, но и за ее пределами. Мастера изящных интерьеров, умелые витражисты выполнили немало интересных работ, удачно оформили выставки в Вильнюсе, Москве и в других городах.

У архитекторов все общее: и темы и воплощение их. Да и сами Витоутас и Алгис очень похожи друг на друга: они близнецы.

Вместе они провели детство, вместе играли за сборную баскетбольную команду республики, вместе поступили в Вильнюсский художественный институт. С тех пор и начался их дуэт в искусстве. Братьям Насвитисам по тридцать три года. Работают они в проектном институте.

Сейчас вместе с товарищами по институту братья разрабатывают проект нового жилого массива, который будет сооружен неподалеку от литовской столицы. Проектируют и новое здание Главпочтамта.

В Москве на Выставке достижений народного хозяйства архитекторы Насвитисы оформляли новую экспозицию в павильоне "Литовская ССР».

В. ЩЕКАЧЕВ

На снимке: кафе «Неринга».

ОСТАНЕТСЯ В СЕРДЦЕ

17 августа 1958 года. Этот день никогда не забудет Хуан де ля Пенья. В горах одиннадцать нескончаемых дней шел бой революционных партизан с батистовскими карателями. К концу неравного боя в живых оставалась лишь горстка партизан. Каратели сбросили бомбы. Одна из них, взорвавшись, выпустила облако зеленоватого удушливого дыма.

Вскоре Хуан заболел: начался сильный зуд кожи. Болезнь прогрессировала. Хуан не раз обращался к врачам, лежал в госпитале, но лечение не помогало.

...На Кубу дошли вести о докторе Павлове из Ленинграда, который будто бы излечивает самые тяжелые кожные заболевания. Посоветовавшись с друзьями и близкими, Хуан де ля Пенья решил поехать в Советский Союз.

Так кубинский офицер оказался в ленинградской клинике кожных болезней Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова. Член-корреспондент Академии медицинских наук профессор С. Т. Павлов и доктор медицинских наук О. К. Шапошников быстро установили диагноз, назначили лечение. У Хуана оказалась тяжелая форма сложного, еще не вполне изученного заболевания кожи.

Много времени и труда затратили Сергей Тимофеевич Павлов, его помощники и ученики, чтобы победить болезнь. Теперь уже все позади. Хуан де ля Пенья собирается домой, где его ждут любимая работа, семья, товарищи.

Хуан с восторгом и благодарностью говорит о врачах, обо всех советских людях, с которыми ему привелось встретиться в Ленинграде. В тот же день, когда ему разрешили первую прогулку по городу, Хуан отправился в Смольный, в кабинет Владимира Ильича Ленина. Вместе со своим товарищем Экторон Гарсиа, который тоже лечился в клинике Военно-медицинской академии, Хуан побывал на «Авроре», в музеях города Ленина.

— Дни, проведенные в Советском Союзе,— говорят друзья,— навсегда останутся в нашей памяти. В эти дни мы еще раз почувствовали, как дорога и близка наша родина советским людям.

Е. СЕМЕНОВ

Эктор Гарсиа (слева) и Хуан де ля Пенья в гостях у авроровцев.

Фото Е. Каменева.

Николай ВИРТА

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Повесть

Два котла

9 января 1943 года. 9.55.

Тик-так, тик-так. Еще минута. Тик-так, тик-так. Еще минута.

Накинув шинель на плечи, генерал-полковник прислушивался к тиканью будильника. Часы стояли на тумбочке возле койки.

Сейчас генерал-полковнику казалось, что будильник — огромная машина, а тиканье — чудовищные удары молота. Удары оглушали его, они наполняли комнату. Только тиканье, и больше никаких звуков в мире не существовало для него в тот час.

Тик-так, тик-так. Еще минута.

Он ждет, но дверь не открывается, и Шмидт не врывается с ответом фюрера.

Тик-так, тик-так. Еще минута.

Голова генерал-полковника раскалывалась от боли: всю ночь он ждал ответа ставки фюрера, а ответа не было. Он заставлял радистов проверять аппараты: быть может, какая-нибудь неисправность.

— Нет, все исправно, господин генерал-полковник,— докладывали ему.

Командующий возвращался к себе и шагал по комнате, пока усталость не усаживала его в кресло. Электрическая лампочка вспыхнула и погасла. Генерал-полковник сидел с взглядом, устремленным в ночной мрак. Тишина. Одиночество. Безысходность. Еще никогда он не был так одинок и никогда не ощущал так глубоко обреченности. Вещи, окружавшие его, эта сырая комната, неясные шорохи, отвратительное попискивание крыс, тяжелые шаги в коридоре, грохот выстрелов, звезды, мерцавшие в безмолвном небе, вой бурана за окном — весь этот концерт звуков, шорохов, воя и крысиного попискивания раздражал его.

Порой ему казалось, что он сам лишь нечто неосязаемое в этой страшной симфонии, призрак, бродящий по земле. Ярко, до боли в глазах, взорвавшаяся ракета осветила двор универсального магазина, запорошенные снегом машины, солдата с автоматом, шагавшего взад-вперед. Ракета погасла где-то далеко, там, где, не стихая ни на минуту, шел бой.

См. «Огонек» №№ 22—26.

«Скоро они ворвутся и в этот подвал, и тогда наступит конец кошмару,— думал генерал-полковник.— Может быть, это лучше, чем сидеть замурованным в гнусном подвале, в комнате с подтеками на стенах и промерзшими углами...»

Он досадливо потер давно не бритый подбородок, с ненавистью ощупал грязный мундир, залоснившийся воротник кителя, потускневший Железный крест, полученный за кампанию во Франции.

«Опустился, бог знает, как опустился! И сутулиться стал все больше, все чаще дает знать мучительное подергивание левого глаза, руки становятся все тоньше, а жизнь короче с каждой минутой. С каждой минутой!..»

Генерал-полковник вспомнил о будильнике. Тот продолжал тикать на тумбочке около кровати, узкой, неудобной, с нечистым бельем.

Тик-так, тик-так,— отбивали часы. Еще минута, еще и еще...

Начиналось утро, солнечное, веселое январское утро. Генерал-полковник то бродил по комнате, то по коридору, то заходил в штаб Роске, то возвращался в оперативное управление.

Радисты... Их лица серы. Они тоже ждали ответа фюрера.

Его не ждали солдаты в траншеях, им ведь неизвестно, что русские предложили почетную капитуляцию. Они ничего не ждали. Они просто мерзли.

Вчера, прогуливаясь около универмага, генерал-полковник забрел в какой-то двор. Там он увидел стоящую вертикально ванну. Обыкновенную ванну, выкинутую из какого-то дома поблизости. В ванне по стойке «смирно», с автоматом, нахлобучив высокую барашковую шапку на лоб, стоял румынский солдат, маленький румынский солдат, которому ванна была как раз в рост.

«Зачем он здесь?» — подумал генерал-полковник и подошел поближе.

Солдат не шевельнулся и не отдал чести генералу. Он был мертв. Румын замерз, скрывшись в ванне от пронизывающего ветра. Он хотел согреться. Теперь уже никакая сила в мире не могла отогреть его.

Тик-так, тик-так,— грохотал будильник. Часовая стрелка, словно бы нехотя, словно бы сопротивляясь тому ужасному и неотвратимому, что должно случиться, ползла к цифре «10».

Генерал-полковнику хотелось крикнуть, чтобы стрелки остановились, чтобы не пересекали роковую точку, чтобы замерло время: хотя бы на час, хотя бы на полчаса, хотя бы на десять минут. Ведь десяти, пяти минут достаточно, чтобы сообщить переднему краю о капитуляции.

Стрелка подошла к цифре «10», и вот она на той страшной точке, и то страшное свершилось: канонада, рев пикирующих бомбардировщиков, пламя и грохот разрывающихся бомб, вой снарядов...

Вошел Шмидт.

— Они наступают с севера, юга и запада! — прокричал он на ухо генерал-полковнику: иначе тот не мог бы услышать его слов.— Они ввели в атаку все наличные силы и всю артиллерию, в том числе тяжелую, подчиненную верховному командованию.

— Так...

— Армия ждет ваших приказов, господин генерал-полковник!

«Почему у меня не хватает воли объявить один-единственно правильный приказ: выкинуть белый флаг. Проклятое, тупое подчинение долгу!»

— Да, идемте.

Генерал-полковник поднялся и пошел отдавать приказы, за каждой буквой которых были сотни убитых.

Бой длился весь день. Из корпусов, дивизий, полков приходили сводки: противник наступает, охватив железным кольцом ураганного огня пылающий в огне котел. Оборона прорвана на всех трех направлениях... Потери, потери, потери... Русские рвутся к основному ядру окруженной армии.

«Еще есть возможность остановить кровопролитие», — радировал генерал-полковник своему начальнику, фельдмаршалу Вейхсу. Вейхс радировал Цейтцлеру. Цейтцлер сообщал радиограммы фюреру. Фюрер твердил:

— Каждый час сопротивления Шестой ар-

ми — огромная помощь другим армиям. Они должны драться.

Они дрались десятого, одиннадцатого, двенадцатого, тринадцатого, четырнадцатого, пятнадцатого, шестнадцатого января.

Котел, сжимаемый чугунными обручами, готов был лопнуть, но еще держался.

Сдан аэродром — Питомник.

Прошло три, прошло и пять дней. Котел, не выдержав давления, взорвался и раскололся на две половинки. Прошел еще день — последняя посадочная площадка в руках русских. В тот же день последний транспортный самолет улетел на запад.

— Мы отрезаны от внешнего мира,— сообщили генерал-полковнику вечером двадцать третьего января.

Философия ефрейтора Эберта

Хайн как-то зашел в каморку, которую занимал толстяк Эберт. Тот отдыхал после ночного дежурства.

Он лежал и насвистывал не очень веселую мелодию, когда Хайн окликнул его:

— Эй, Эберт, ты спишь?

— Я размышляю!

— Эх, если бы я умел! — вздохнул Хайн и подсел к ногам Эберта.— О чем ты размышляешь теперь, толстячок?

— О глупости человеческой,— был ответ.

— Но не считаешь же ты меня круглым дураком?

— Не такая уж ты шишка, чтобы тратить время на размышления о тебе. Конечно, ты глуп,— снисходительно продолжал Эберт,— но ты молод. Молодости свойственна глупость, Хайн.

Этот афоризм несколько утешил Хайна. И все же он попробовал возразить.

— Вон полковник Адам тоже не слишком пожилой, а умница, однако.

— Адам был бы самым глупым из полупожилых людей, если бы не был таким честным малым.— Эберт вздохнул.— Разумеется, ты свалял дурака, решив порадовать шефа краденым гусем. Конечно, ты не мог знать, что неблагодарность начальства — его законное право. Нашел, чем удивить командующего. Как будто до этого он не ел краденую пищу и не пил краденое вино.

— Ты помолчи,— резко сказал Хайн.— Мой шеф не вор!

— Вот дурень! Ясно, сам он не лезет в чужой подвал. Ему приносят краденое. Ему приносили еду, украденную у французов, поляков, чехов, словаков, у датчан, голландцев, бельгийцев, норвежцев и так далее. Ты не представляешь, сколько бочек краденого вина влили в свои животы штабные твоего шефа за две последние кампании, Хайн. Нам этого количества хватило бы на всю жизнь. Славное винцо пили они, Хайн! — Эберт почмокал губами.

— Фельдмаршал Рейхенау много пил,— вспомнил Хайн.— Он признавал только французский коньяк и шампанское.

— Не покупал же он его! — Эберт рассмеялся.— Вот так, Хайн. А твое замечание, будто Адам бог знает какая умница, не стоит того, чтобы тратить слова на опровержение. Сам говорил, что Адам пользуется неограниченным доверием шефа и что они часами шепчутся о том, что боятся сказать вслух. Боятся сказать нам, Хайн. Но не в том дело.— Эберт почесал живот.— Дело вот в чем, дурачок. Если бы Адам действительно был мудрым, он уговорил бы командующего принять условия русских. Не знаю, как генералы и полковники,

но мы с тобой наверняка остались бы в живых, чего теперь обещать тебе не могу. Нет, Хайн, не могу. Русские похоронят нас в этой вонючей яме.

Хайн нахмурился.

— Я видел яму, куда комендант навалил полтысячи русских,— пробормотал Хайн.— Страшно было смотреть на них.

— Да, ты рассказывал мне эту историю,— лениво ответил Эберт.— Что ж, командующий разыграл отличное представление. Как в театре. Один из саперов, он ученый малый, даже доктор каких-то там наук, попавший в саперы по милости разозлившегося на него начальства, покатываясь со смеху, говорил ребятам, что командующий произнес, как он сказал, монолог в духе Шекспира. Я не знаю, кто был тот тип, но тоже, видно, любил представления в том же духе. Это было здорово придумано! Коменданта отослали в штрафную роту, через два дня его взяли в плен русские. «Преступление и наказание»—есть такая книжка, не помню, кто ее написал. Какой-то русский. Или поляк. Уж теперь большевики вытянут из того эсэсовца все, что им надо! И он ответит за то, что делал здесь. Но кто ему приказывал делать, ты случайно не знаешь, Хайн? Им-то не придется отвечать. Они такие чистенькие, такие святые!..

— Командующий был очень расстроен в те дни,— пробормотал Хайн.

— Он просто представил самого себя в той яме, Хайн,— рассмеялся Эберт.—Н-да! Коменданта убрали, но отвечать все равно придется нам. За все украденное платить будут не генералы и полковники, а народ. Мне рассказывал отец, каково было выплачивать контрибуцию за прошлую войну. Вчистую разорилась Германия.

— Ты говоришь так, словно мы уже побеждены,— одернул Эберта Хайн.— До границ родины далеко, и мы еще посмотрим, кто кого...

— Иди к себе, дурак,—хладнокровно заявил Эберт.— Иди и утешай себя этими слюнявыми мыслями.

— Ну, ну, не сердись!

— Вы слышали, что он сказал? — Эберт драматическим тоном обращался к невидимым слушателям.— Этот идиот сказал, что до границ Германии далеко. Верно, далеко. Ровно столько, сколько мы прошли от границ родины до Волги, столько же и русским идти от Волги до границ нашей родины. Ни на дюйм меньше, Хайн. Да будь я проклят, если еще раз поверю, будто война с большевиками — священная миссия германской нации, а жизненное пространство может быть приобретено только на Востоке.— Эберт скверно выругался.— Мне нужен клочок земли. Он есть у отца. Больше мне ничего не нужно, ничего, будь они прокляты! И я еще не знаю, может, мое жизненное пространство завтра ограничится двумя метрами земли. Мне еще думать о чем-то!

Хайн слушал Эберта с мрачным видом. Он тоже не понимал болтовни о жизненном пространстве. У его матери приличная квартирка... Садик, дюжина грядок. Мать никогда не жаловалась на нехватку жизненного пространства. Да и за коим чертом надрываться над грядками, если бы, положим, их была не дюжина, а сто дюжин?

— Охо-хо,— вырвалось у него,— все это правильно, Эберт! Ты умница, однако. Даже не представлял, какая ты умница.

— А вот твой шеф не позвал меня, когда решался вопрос о капитуляции. Ну не глупо ли? Генералы думают, что ум только у них, а мы серая, безмозглая скотинка. Гони нас в бой, кроши наше мясо... Вот наша доля, Хайн. Фюрер отклонил условия русских. Мы потеряли, как я передавал в штаб Вейхса, шестьдесят тысяч человек убитыми и ранеными, армия раскололась на два котла. Жрать нечего. Медикаментов нет. Они решили, ты слышишь, они решили всех нас отдать этой карге — смерти! — в ярости выкрикнул Эберт.— А в Берлине сукины дети, запретившие командующему капитуляцию, в это же самое время обжираются чем попало, танцуют и спят с бабами. Они и думать-то забыли о нас! Сволочи! О, как я ненавижу их!

— Молчи, Эберт, нас могут услышать! — испуганно проговорил Хайн.

— И дьявол с ними! — кричал Эберт.— Да пусть лучше меня поставят к стенке за слова, которые сейчас на уме у каждого солдата, чем знать, что ты пропадешь ни за что ни про что в этом подвале!

— Тебе могут припаять пораженческую пропаганду,— прошептал Хайн,— и я уже не смогу замолвить за тебя словечко шефу. Шмидт рыщет повсюду, подслушивает, заводит с штабными разговоры вроде твоих, а потом выдает кому следует. Заткнись, слышишь?

— Ладно,— сказал Эберт,— заткнусь.

— Так-то оно лучше.— Хайн помолчал.— Слушай, Эберт, что же теперь будет?

— Тебе лучше знать. Ты всегда рядом с командующим, ты слышишь его разговоры.

— Он теперь больше молчит. Молчит или читает библию. Даже с Адамом не шепчется.

— Думаю, что и он и все, кто над нами, Хайн, только о том и помышляют, как бы спасти свои шкуры. Выдумывают такой ход, чтобы и фюреру угодить и самим не загнуться.

— Я не понимаю, почему они так боятся фюрера? — снова переходя на шепот, сказал Хайн. — Ведь он так далеко, и вряд ли мы уже увидим его. Может, только после войны.

— Нет, они не фюрера боятся. Наплевать им на него, тем более теперь, когда он подвел их самым бесстыдным образом. Раз они валят на него все поражения,— значит, не боятся.

— Тогда почему же не принять условия русских?

— Очень просто. Каждый из них хочет, чтобы кто-то другой взял на себя ответственность. Ведь эти идиоты убеждены, что их имена будут вписаны в историю. Красиво ли будет выглядеть в истории тот, кто первым побежит на поклон к русским, сообрази! Вот и ждут, чтобы нашелся такой, кому море по колено.

— А ты бы пошел к русским на поклон?

— А что мне терять? Уж мы-то с тобой в историю не попадем. Дай бог из этой «истории» выбраться целехонькими.— Эберт рассмеялся.— Ей-богу, я бы пошел к русским. Поговорил бы с ними о том, о сем, сказал бы: «Хватит, ребята, кончаем эту лавочку, сдаемся. Но только уговор: никого пальцем не трогать!» Ведь русским тоже хочется поскорее разделаться с нами и двинуть войска туда, где идет их наступление.

— Да,— задумчиво сказал Хайн,— пожалуй, ты бы договорился с ними.

— Уж будь покоен,— подтвердил Эберт.

— А они здорово наступают?

— Такого наступления еще не было.

— Пожалуй, ты прав. Закурим?

— Закурим.

Дым эрзац-сигарет поплыл к потолку каморки.

Юдоль плачевная

Адам при свете огарка, воткнутого в бутылку, перелистывал четвертый том «Толкового словаря» Даля, подобранный им во дворе.

Он вникал в русские слова, в их содержание и смысл, понимая, что, если впереди жизнь, надо знать, хорошо знать язык тех, среди которых придется жить, быть может, много лет.

Так он дошел до слова «юдоль»: «Юдоль плачевная, мир горя, забот и сует».

— «Завеща бог смиритися всякой горе высоцей и холмом... и юдолиям наполнитися в равень земную», — читал он.

Генерал-полковник сидел, ссутулившись над столом, раскладывая пасьянс «могила Наполеона». Он вздрогнул от слов Адама, произнесенных вслух.

— Что, что?

— Я читаю русский словарь. В их языке есть слово, которого я не знал. «Юдоль», «юдоль плачевная, мир горя, забот и сует». Тут прекрасные слова, очевидно, на старославянском: «Завещал бог смириться всякой высокой горе и холмам, а склонам стать вровень с землей». За точность перевода не ручаюсь.

— «Смириться всякой высокой горе»! Хм! — Генерал-полковник положил еще две карты, и «могила Наполеона» вышла.— Символически звучит для нас, Адам.

— И правда, а я как-то не догадался.

— Он еще не пришел?

Адам взглянул на часы.

— Вот-вот должен быть.

Генерал-полковник принялся за пасьянс «четыре короля».

— Вы скучаете по дому, Адам?

— Как и вы, господин генерал.

— Любопытно, что там говорят о нас.

— Радисты перехватили сводку, объявленную верховным главнокомандованием. Сообщается, что подразделения Шестой армии, еще способные вести бой, активно сопротивляются натиску русских, не жалеющих огневых средств и солдат.

— Из этой сводки ребенок поймет, что мы конченые люди, Адам.

— Любой взрослый, во всяком случае, поймет.

«Четыре короля» не выходили.

— Как вы сказали? Это русское слово...

— «Юдоль».— Адам оторвался от словаря.— «Юдоль плачевная, мир горя».

— Уж это целиком относится к нам, не правда ли, Адам?

Адам не успел ответить: постучали в дверь. Шмидт вошел с неизвестным Адаму капитаном. Он знал лишь то, что капитан служит в штабе генерала Зейдлица-Курцбаха и что он русский. Его позвали для того, чтобы он написал ответ командованию Донского фронта

еще на одно требование о капитуляции. Адам отказался писать, сославшись, что он более или менее хорошо говорит по-русски, но пишет плохо.

Генерал-полковник смешал колоду.

— Садитесь,— сказал он капитану.— Это он?

— Так точно, господин генерал-полковник,— отчеканил Шмидт.

— Вы русский?

— Так точно, господин генерал-полковник. Сын последнего калужского вице-губернатора.

— Борис Нейгардт — его имя и фамилия,— вмешался Шмидт.

— Фон Нейгардт,— поправил его капитан.

— Извините,— язвительно обронил Шмидт.

— Как вы попали в немецкую армию? — удивившись столь необычной биографии русского, спросил генерал-полковник.

— Мой отец был членом Государственного совета при императоре Николае. Не желая попадать под колеса революции, я приехал в Ревель, где нашел своих родителей. Они вырвались от большевиков и через Финляндию перебрались в Эстонию. Очень долго рассказывать дальнейшее. Скажу кратко: я переехал в Германию и принял немецкое подданство. Потом меня взяли в армию.

— Сложное у вас прошлое.— Генерал-полковник улыбнулся, и глаз сильно дернулся.

— Да, будет что вспомнить в старости. Если доживу до нее.— Фон Нейгардт впервые так близко видел командующего армией. Чего-то в нем не хватало для того, чтобы быть боевым, кадровым офицером. Сними шинель, китель, сапоги, одень в штатский костюм — и он вполне сойдет за учителя или врача.

— Мы вызвали вас, потому что не нашли хорошего переводчика,— сказал Шмидт.— Вы еще не забыли родной язык?

— Это — единственное, что у меня осталось от России.

— Эмигранты часто забывают родной язык.

— Надеюсь, господин генерал-полковник, скоро я перестану быть эмигрантом.

Шмидт и генерал-полковник не поняли, что имеет в виду капитан, и перешли к делу. Шмидт положил перед фон Нейгардтом бумагу.

— Прочитайте! Это условия капитуляции. А здесь наш ответ. Вы переведете его и передадите русскому командованию по радио.

Фон Нейгардт прочитал то и другое, подумал и сказал:

— Условия очень почетные. Я не понимаю, как можно отказываться от них.

— Это решит фюрер. Пока нам надо завязать переговоры с русскими,— объяснил генерал-полковник.

— Но ваш ответ, господин генерал-полковник, неправильный. Нет, это невозможно! — Фон Нейгардт улыбнулся.— Нам, побежденным...

Шмидт пробормотал что-то гневное. Генерал-полковник остановил его резким движением руки.

—...нам, побежденным, повторяю, невозможно требовать присылки парламентеров. Напротив, мы должны просить командование Донского фронта принять наших парламентеров.

— Хорошо, пусть будет так.— Генерал-полковник освободил место у стола.— Садитесь и пишите.

Пока фон Нейгардт писал, генерал-полковник курил, присев на койку. Шмидт сопел в углу. Адам снова углубился в словарь.

— Вот так, я думаю. Можно прочитать? — сказал Нейгардт, окончив писать.

— Да, да, читайте,— поспешно отозвался Шмидт.— Боже, вы так тянете!..

— «Я согласен начать с вами переговоры на основе ваших условий от восьмого января. Прошу установить перемирие с 12.00 23 января. Мои представители прибудут к вам на двух машинах под белым флагом по дороге вдоль железной дороги Гумрак — разъезд Конный — Котлубань. Командующий Шестой армией...»

Шмидт вырвал бумагу из рук фон Нейгардта.

— Отлично, отлично! — выкрикнул он.— Вы будете ждать дальнейших указаний в штабе генерала Роске. Там вы найдете эту бумагу.— Он вышел.

— Пожалуйста, задержитесь, капитан,— сказал генерал-полковник.

— Слушаюсь!

— Капитан,— тихо начал генерал-полковник,— скажите по чести, это не пахнет государственной изменой?

— Что?

— Бог мой, что ж мне делать, если фюрер и теперь не даст согласия на капитуляцию?

— Вы запросили его об этом?

Генерал-полковник кивнул.

— Зачем, зачем вы сделали это? — стоном вырвалось у Адама.

— Я солдат, Адам.

— Солдат Германии, а не фюрера.

— Тсс, нас может услышать Шмидт.— Генерал-полковник усмехнулся. Усмешка вышла кривая.— Я не могу иначе, Адам. С малых лет меня приучили к повиновению: сначала родителям, потом учителям, потом начальству.

Адам с силой швырнул словарь в угол.

— Мы обречены,— сказал он.— Фюрер не даст согласия.

— Ну, ну, Адам, зачем такой мрак! — ласково проговорил генерал-полковник.— Лучше угостите нас с капитаном. Кофе, папиросы, коньяк...

— Слушаюсь,— угрюмо выдавил Адам.— Хайн!

Из клетушки вышел, позевывая, Хайн. Он три ночи подряд провел с той девицей из-под Ганновера, потому что Шмидту некогда было заниматься с нею. Три бессонные ночи, и вот его будят.

— Кофе, коньяк и папиросы. Живо!

— Что ты видел во сне, Хайн?

— Что я сплю,— мрачно ответил Хайн.

— Ладно, пойдем и приготовим ужин.— Адам увел Хайна, зевавшего так сладко, что и генерал-полковник зевнул несколько раз подряд, рассмеялся и, похлопав фон Нейгардта по плечу, сказал:

— Я хочу повторить тот же вопрос. Что бы вы сделали на моем месте, если фюрер не разрешит капитуляцию?

— Трудно сказать,— замялся фон Нейгардт.— Во-первых, я бы все равно капитулировал. Если нет, разделил бы судьбу солдат и офицеров.

Явился очень веселый Шмидт, пронюхавший, что предстоит отменный ужин.

— Очень хорошо, капитан, что вы еще здесь,— приветливо заговорил он.— Есть одно обстоятельство, и я хотел бы обсудить его с вами.

— Я в вашем распоряжении, господин генерал-лейтенант.

— Дело, знаете, щекотливое. Гм...— Шмидт не знал, с чего ему начать.— Надеюсь, вы в курсе сложившейся обстановки.

«Знаю ли я обстановку! — думал фон Нейгардт.— Вы сидите здесь, а я в самом котле. Там все, даже самые мужественные, впали в апатию, менее храбрые — в отчаяние. Вас еще спасают толстые стены подвала, а от расстрела спасут погоны и знаки отличия. Тех, кто внутри подков, ничто не спасет. Я понимаю, чего вы хотите, но я пальцем не шевельну, чтобы дать вам спасти свои шкуры. Разделите судьбу тех, кто сейчас корчится на рогожах,— их оставили врачи и бежали. А те, кто не бежал, сошли с ума, потому что они могли только рыдать, видя страдания людей. Разделите участь с теми, кто тщетно пытается согреться, кто зря старается спасти отмороженные ноги, кто вырывает кусок изо рта умирающего товарища. С меня хватит, а вы хлебните все это!»

Фон Нейгардт злорадствовал, наблюдая за тем, как Шмидт ищет подходящий способ целехоньким выбраться из ада.

— Приказ есть приказ, в каком бы положении солдат ни находился в тот момент, когда приказ настиг его. Мы должны сражаться,— заговорил Шмидт.— Пока идут бои,— развивал он свою мысль,— желательно оградить особу командующего и его ближайших сотрудников от возможности перенесения рукопашного боя в подвал. Впрочем, даже если русские не придут сюда со штыками, они могут утопить нас, как крыс, открыв водопроводные краны.— В ту паническую минуту Шмидт забыл, что водопровод давно замерз.— В конце концов, черт побери,— продолжал он,— кто-то должен отдать приказ о прекращении огня и тем отвести опасность от особы командующего армией!

Все те минуты, когда Шмидт, перескакивая с одного на другое, пробовал связать концы с концами, путаясь и глотая слова, пытался втолковать фон Нейгардту мысль о том, что пока, мол, будут стрелять, он, Нейгардт, должен вести переговоры о сохранении жизни командующему, генерал-полковник думал: «Как можно вести столь бесстыдные разговоры с человеком, который презирает Шмидта и меня, да и не может не презирать, если, вместо того чтобы говорить о спасении десятков тысяч переживающих чудовищные лишения, мы толкуем о спасении десятка ничего не значащих для истории жизней!»

Он хотел прервать Шмидта и прекратить его бессовестные рассуждения, но не знал, что сказать и под каким предлогом отпустить фон Нейгардта. В те минуты он проклинал себя за то, что напичкан чувством долга... Это чувство крепко сидело в нем, и он не мог решиться одним росчерком пера прекратить агонию. В те минуты он понимал, что слабоволие как продукт догматического подчинения в глазах этого русского должно казаться особенно ужасным, ибо слабоволие командира в решающий момент означает гибель всей войсковой части.

Генерал-полковник боролся с собой. Преступное чувство долга побеждало неотвратимо. Он сказал вдруг:

— Боже, что будет, если меня возьмут в плен... Каким издевательствам я подвергнусь! Ведь меня могут на потеху толпе на цепи водить по Москве и показывать русским и иностранцам!

Фон Нейгардт понял, что этот человек дошел до такого состояния, когда страх побеждает разум, а для сотни тысяч солдат и офицеров эта точка означает новые страдания и бесславный конец.

— О, нет! — вскричал Шмидт, боясь, что командующий может ускользнуть из его рук и выстрелом в рот избавить себя от хождения на цепи по Москве.

Шмидт знал, что его на цепи водить не будут, не такая уж он персона для процессий подобного рода, и был уверен, что русские не доберутся до того сокровенного, о чем знало только гестапо.

Ему был нужен живой генерал-полковник, потому что его жизнь гарантировала жизнь Шмидту.

Вошел Адам и сказал, что в штаб Роске пробрался унтер-офицер Лемке и сообщил, что он был свидетелем пленения Зейдлица-Курцбаха и еще двух генералов.

Их взял в плен русский автоматчик — случайно он забрел в балку, где в землянке коротал последние часы командир корпуса. Хорошо вооруженные генералы подняли руки и сдались без всякой попытки сопротивляться.

Лемке видел, как их вели к берегу Волги, может быть, чтобы расстрелять, может быть, передать командованию русской армии.

— Вот видите! — с живостью заговорил Шмидт.— Их не застрелили на месте. А кто такой Зейдлиц? Просто командир корпуса. Господин генерал-полковник, я не сомневаюсь, что вам не только сохранят жизнь, но и создадут наилучшие условия. Большевики из кожи вон вылезут, чтобы показать всему свету, какие они культурные люди. Ха-ха!

Генерал-полковника передернуло от его смеха, но он ничего не сказал. Судьба Зейдлица-Курцбаха потрясла его. «Вернее всего,— рассуждал он сам с собой,— Зейдлиц нарочно сделал так, чтобы поскорее попасть в плен и тем предоставить своим солдатам и офицерам последовать его примеру. У него хватило мужества перешагнуть через так называемый долг, и в этом отличие боевого, кадрового генерала от меня, кабинетного ученого, профессора академии, лишь благодаря несчастному стечению обстоятельств ставшего командующим армией».

Пришел Эберт и принес радиограмму из ставки верховного главнокомандующего.

Фюрер приказывал драться.

Фон Нейгардт, поняв, что дальнейший разговор будет беспредметным, попросил разрешения удалиться. Он решил, не теряя ни минуты, перейти незримую черту, которая двадцать пять лет отделяла его от родины.

Генерал-полковник, прочитав радиограмму, сказал:

— Юдоль.

(Окончание следует.)

Александр КОВАЛЕНКОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

ДАЛЬНИЙ БЕРЕГ

Из книги «Собеседник»

Происшествие

В осеннем тепле предрассветных потемок
Внезапно гроза закудрявилась.
С дождем поиграть влез на крышу котенок,
И это дождю не понравилось.

Он с ходу хлестнул игруна по усам,
Из белого сделал серым,
Заставил мяукать его, а сам
Помчался по клумбам и скверам.

Но где-то в горах он замедлил разбег,
Затих после скачек и гонок,
И это был первый, нетронутый снег,
Пушистый, как белый котенок.

Портрет

Не исчезая, за холмом стояло
Виденье гибели, внезапной пустоты.
Из лозняка дуга крыла торчала,
Бензином пахли встречные цветы,

И сердце у бегущих замирало...

Пилота подобрали на пригорке,
От места взрыва в метрах двадцати.
В изодранной, кровавой гимнастерке,
Боясь сгореть, пытался он ползти.

А по проселкам мимо дачных мест,
Скользя по доцветающим сиреням,
Уже спешил на помощь «Красный крест»,
И за рекой заплакала сирена.

(Остался жив. Смотри: другая сцена.)

Молчал, смотрел сквозь потолок больничный
В далекую распахнутую высь,
Когда в тягучий полусон привычный
Слова непозабытые вплелись:

— К вам вновь пришла та девушка, смотрите,
Игрушки принесла, кулек конфет.
Ну, словно вы ребенок... Разрешите
Впустить ее.
Но он ответил: — Нет.

Быть может, тем и хороши подарки,
Что так обыкновенны и просты.
Пускай простит...
Он скрыл от санитарки,
Что снова испугался высоты.

Дальний берег

Рассказывать не значит сочинять,
И даже в сказке все должно быть верно.
Чистописаньем в школе заниматься
Нам было скучно. Нас ругал учитель,
Когда мы, озоруя, рисовали
Чертей, диктанты портя, на полях
Линованных тетрадей. И влюблялись
Без соблюденья истин прописных.
Но это к слову.
Честно и наивно,
Когда-то о любви не самой первой,
Но самой чистой я писал поэму.

Был светлый вечер. Море, виноградник,
Тропинка, тополь, лодка у причала
Прощались с солнцем. Камешки бросая,
Я ждал тебя. Меня терзала скука,—
Рябая статуя с бараньими глазами —
Безгласный соглядатай, страж свиданий;
Директор дома отдыха заставил
Красавицу из гипса помогать
Несчастью всех влюбленных. «Запрещаю
Вдвоем купаться». Это объявленье
Держала статуя в протянутой руке.

А между тем стемнело. Зажурчали,
Вливаясь в море, звезды. И внезапно
Я вспомнил день, когда в сосновой роще
Нам встретился знакомый твой веселый,
Спортсмен, пловец, похожий на цыгана.
Настойчиво взглянув тебе в глаза
И невнимательно пожав мне руку,
Он объяснил, что «брасс» теперь не в моде,
Что он поклонник стиля «баттерфляй».

В купальных башмаках легко и твердо
Он по асфальту шел. А рядом лето
Шло босиком по камешкам горячим,
И ты была рассеянной в тот день...
Я вспомнил все. Я понял, что сегодня
Ты не придешь, не будешь жадно слушать
Со мною вместе грузный шорох моря,
Не будешь всматриваться в мягкий сумрак,
В непроницаемую тьму деревьев,

Где шепчутся, целуются, смеются,
И это невозможно запретить...
Но я не тосковал. Я знал, что завтра
Все будет не таким, все будет новым
И непривычный, светлый и просторный
Мир позовет меня. И я тебя прощу.

. . . .

Мне кажется, что могут быть стихи,
Где безыскусственность — помощница
искусства,
Простые, словно первая любовь,
Не знающая правил и обрядов.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

То, о чем рассказывает книга Вл. Беляева «Разоблачение», не история.

Я помню дни вскоре после убийства украинскими буржуазными националистами замечательного советского писателя Ярослава Галана, когда Владимир Беляев водил меня по Львову и показывал:

— Вот здесь расстреляли профессоров...

Здесь жил митрополит Шептицкий, вдохновитель бандеровских убийц...

Здесь...

Да разве можно перечислить места истерзанного, послевоенного Львова, хранившие память о страшных зверствах фашистских убийц и их холуев из националистических шаек.

Мы были тогда на квартире Ярослава Галана, где предательский удар топора оборвал жизнь писателя. А через несколько лет я читал трусливые подметные записки, которые недобитые выкормыши Шептицкого подбрасывали по ночам Владимиру Беляеву после выхода на экран его известного фильма «Иванна»; читал визгливые пасквили зарубежных националистических газетенок, предававших анафеме автора фильма — автора многих и многих исследований и памфлетов, разоблачающих националистических убийц и их хозяев.

Значит, слово писателя било в цель...

Сейчас эти памфлеты, исследования, как и сценарий «Иванны», собраны в одну яростную, непримиримую книгу «Разоблачение», вышедшую во Львове.

Да, то, о чем рассказывает Владимир Беляев, не история, хотя здесь и приведено множество документов периода Великой Отечественной войны, когда украинская земля стонала от гнета фашистской оккупации.

Ведь совсем недавно боннский министр Теодор Оберлендер изворачивался и лгал, отрицая свое участие в страшных зверствах гитлеровцев и их националистических подручных на Западной Украине. И тогда появился памфлет Беляева «Это было во Львове», где на основании документов и свидетельств устанавливалась истинная роль Оберлендера.

Памфлет разоблачает не только его, но и многих «коллег» гитлеровского палача, процветающих сейчас в Бонне.

Совсем недавно реакционная итальянская печать кричала о том, что тысячи итальянских солдат, бывших в свое время на советско-германском фронте, насильно задерживаются в плену Советским Союзом. И тогда Владимир Беляев снова едет на Западную Украину и в Польшу, опрашивает очевидцев, роется в архивах, посещает места прошедших событий. Так появляется его исследование-памфлет «По следам пропавших гарнизонов». Здесь неопровержимо устанавливается, что итальянские солдаты расстреляны своими же «союзниками»-гитлеровцами.

В документальной повести «Свет во мраке» писатель рассказывает о страшной судьбе и героической борьбе узников львовского гетто.

Новая книга Беляева — приговор фашизму, приговор обанкротившимся идеям предательства, мракобесия, клерикализма. Она призывает людей к бдительности и борьбе.

Борьбе во имя того, чтобы никогда не повторились ни черные ночи Львова, ни черные ночи всех других больших и малых городов земли...

Сейчас в квартире Галана, где мы были с Беляевым, музей. Люди приходят сюда, чтобы почтить память лучших сынов земли, отдавших жизнь за победу света. Приходят сюда и писатели. Они еще больше чувствуют здесь свою ответственность перед людьми, перед павшими товарищами по перу.

И радостно отметить: новая книга Беляева — одна из тех, что достойно продолжает традиции пламенного борца нашей публицистики Ярослава Галана.

Анатолий ЕЛКИН

Вл. Беляев «Разоблачение». Львовское книжное издательство.

КЛИМАТ ГЛУБОКИХ ШАХТ

Алексей ИОНОВ

Гамбургскому профессору Отто Лиденброку чертовски повезло. Как геолог, он отлично знал, что по мере углубления в земные недра температура через каждые тридцать метров повышается на один градус и что у крайней границы земной коры она должна превышать тысячу триста градусов тепла. И все-таки это не устрашило отважного ученого: спустившись в кратер потухшего вулкана, он решил предпринять рискованное путешествие к центру Земли. На всем долгом пути ему сопутствовала удача. Температура, как бы глубоко он ни опускался, оставалась более или менее сносной, и, пройдя под землей сотни лье, Лиденброк через кратер другого, действующего, вулкана благополучно возвратился на поверхность планеты.

К сожалению, то, что столетие назад могла объять фантазия Жюля Верна, создавшего увлекательное повествование о путешествии в глубь нашей планеты, остается все еще областью неизведанного и по-прежнему волнует и манит людей науки.

Проникнуть в земные недра для человека оказалось куда труднее, чем достигнуть морских глубин или запредельных высот. Он сумел раскрыть многие морские тайны, спустившись в батискафе под воду на десятикилометровую глубину, сумел подняться на высоту сотен километров над Землей, в космос, в недра же Земли он углубился не далее как на три километра, и даже буровые скважины ему в исключительных случаях удавалось пробурить всего лишь на пять с небольшим километров.

Обозревая в недрах угольные богатства, спутник Лиденброка, созданного фантазией Жюля Верна, размышлял философически: «Богатства эти, конечно, никогда не будут разработаны. Разработка этих подземных копей требовала бы слишком больших усилий. Да и какая в том надобность, если уголь еще можно добывать в стольких странах у самой поверхности земного шара? Стало быть, эти нетронутые пласты останутся в таком же состоянии, покуда не пробьет последний час существования Земли».

Пророчество не оправдалось. Угольные запасы у поверхности Земли оказались исчерпанными значительно раньше, чем предполагал герой «Путешествия к центру Земли». Прав он оказался лишь в одном: разработка глубоких угольных копей действительно требует огромных, если не сказать колоссальных, усилий, больших материальных затрат. Однако государства, в том числе и наше, вынуждены идти на такие затраты, а ученые делают все возможное для того, чтобы создать на больших глубинах нормальные условия жизнедеятельности человека.

— Собственно говоря,— пояснил мне один донбасский геолог,— каменного угля и на небольших глубинах у нас в стране еще столько, что его, как говорится, таскать не перетаскать. Но нашей промышленности нужно очень много коксующихся углей. Они служат исходным продуктом не только для получения кокса, но и множества иных изделий — от лечебных препаратов до лаковых красок, от пластических масс до духов с тончайшим ароматом. А вот эти-то угли в некоторых районах Донбасса на небольших глубинах уже исчерпаны. Поэтому и приходится добираться к пластам, запрятанным природой довольно глубоко.

О каких же глубинах идет речь?

На этот вопрос мой собеседник ответил, блеснув эрудицией и завидной памятью.

— История горного дела,— сказал он,— знает канадский золотой рудник «Лейк Шор» с глубиной в 2 400 метров, золотой рудник «Краун» в Южной Африке — 2 830 метров и самый глубокий в мире рудник «Урегам» в индийском районе Колар — 2 950 метров. Угольные шахты пока не соперничают с рудниками: глубочайшая в мире угольная шахта «Рьен дю Кер» в Бельгии достигла горизонта в 1 415 метров, в Советском Союзе до настоящего времени самыми глубокими считались находящиеся в Донецке шахты 211 и 17—17-бис — обе глубиною в пределах девятисот метров.

Но чем старше шахта, тем дальше в земные недра пускает она «корни». Приходится углублять стволы до километра и больше. В донецкой степи скоро будут сооружены и новые шахты — «Бутовская-глубокая», «Красная звезда-глубокая», «Щегловка-глубокая»... Уже одни эти названия говорят о том, что угольный Донбасс переходит на новые горизонты. Перед учеными и практиками горного дела возникают в связи с этим серьезные проблемы.

Мы разговорились о них с инженерами донецкого проектного института «Донецкгипрошахт». Беседа протекала в маленькой комнате по соседству с просторной и светлой, сплошь заставленной чертежными комбайнами.

— Что страшило нашего брата, когда заходила речь о глубоких горизонтах? — сказал инженер Геннадий Михайлович Цурпал и, вскинув свои густые темные брови, посмотрел на меня так, будто не он, а я должен был ответить на его вопрос.— Были на нашем пути два камня преткновения — откачка воды и подъем грузов с больших глубин. Теперь и то и другое осталось позади. Но возникла еще одна, пожалуй, самая трудная проблема — жара, высокая температура недр. Против этой температуры мы, можно сказать, и ополчились.

Жара!.. Услышав это слово, я невольно подумал, что, действуй профессор Лиденброк не в фантастическом романе, а в естественных природных условиях, он, как говорится, повернул бы оглобли уже с глубины в один-полтора километра: ведь, например, в медном руднике «Магма» в американском штате Аризона температура на глубине в полторы тысячи метров превышает 70 градусов Цельсия. Поди-ка сунься в такое пекло!

Начались поиски, исследования. Горняки, работающие на западном крыле рутченковской шахты № 17—17-бис, не раз видели, как в шахтную клеть входил немолодой инженер в брезентовом костюме, в очках и с какими-то приборами, которые он старательно оберегал от толчков и ударов. В шахте он просил пробурить по породе глубокий шпур и вставлял в него термометр.

— Вот это номер! — бывало, с ухмылкой скажет кто-нибудь из балагуров.— Поставил диагноз? Теперь насыпь туда аспирина, чтоб сбить температуру. Жарковато, а?

Балагурам, наверное, было невдомек, насколько важны исследования, которые проводил у них на участке сотрудник Макеевского научно-исследовательского института Александр Евдокимович Величко. Но главный инженер шахты Клавдий Евгеньевич Проскурников, его однокашник по институту, отлично знал, что без

ФЛАГМАН БОЛЬШОЙ РУДЫ

М. НАЧИНКИН

Фото автора.

Название этой шахты, сооруженной в Кривом Роге, довольно точно определяет ее — «Гигант». Находясь как бы в углу треугольника копров рудника имени Дзержинского, исполин большой руды напоминает флагман мощной эскадры.

— Первое впечатление, которое на вас произвел наш копер-небоскреб, не обманчиво,— говорит главный инженер Т. Ващенко.— «Гигант», пожалуй, одна из самых крупных шахт в мире. Ее проектная мощность достигнет 7,4 миллиона тонн руды в год. В забоях шахты ежесуточно будет добываться свыше 20 тысяч тонн металлургического сырья. Чтобы обеспечить транспортировку такого огромного количества руды, впервые в мировой практике мы смонтировали 50-тонные скипы, движущиеся по вертикали со скоростью 6—8 метров в секунду. Это особенно важно, когда поднимаешь руду с нижних горизонтов. А они могут быть расположены на глубине до 1 000—1 200 метров.

На наших подземных железных дорогах уже работают мощные электровозы. Всеми подземными поездами управляет один человек—диспетчер. Механизмы, автоматы почти полностью вытеснили на шахте ручной труд.

Диспетчерская сигнализации и блокировки подземного транспорта.

Один из штреков шахты «Гигант-глубокая».

Бурильщик Виктор Жулянов в забое.

Служба безопасности горных работ зорко следит за чистотой подземного воздуха.

Рентгенологи медсанчасти рудника имени Дзержинского систематически обследуют горняков.

тщательных исследований теплового режима пород, скорости движения воздуха, без многочисленных анализов температуры и влажности об изменении подземного климата не может быть и речи.

Однако измерить температуру одних только горных пород — этого еще мало: тепло в шахте выделяют также каменный уголь, окисляющаяся древесная крепь, люди... А техника, призванная облегчить труд горняка?.. На больших глубинах она уже не только друг, но в известной мере и враг. Какое, например, великое благо для шахтера — врубовые машины, электровозы, угольные комбайны! Но как много выделяют они тепла!

Шахтер чувствует себя бодрым и трудится в полную силу, если температура воздуха под землей не превышает 20 градусов тепла. Условия подземного труда, по наблюдениям английских ученых, остаются относительно сносными даже при 34 градусах Цельсия. Но вот наступает некий предел — 35 градусов. Рабочий становится вялым, сердце бьется порывисто, учащенно, инструмент валится из рук... Если же температура повышается еще на один — только на один! — градус,— шахтер обливается потом, задыхается, точно в приступе астмы. Зарубежной статистике известно немало случаев, когда горнорабочих в глубоких шахтах настигал тепловой удар — смерть.

В нашей стране по правилам безопасности горных работ в угольных и сланцевых шахтах температура воздуха под землей не должна превышать 26 градусов тепла. Эти правила останутся обязательными и для глубоких шахт. Теоретические исследования в этой области начались уже давно. Но теория теорией, а практика торопит. Создать в шахтах Донбасса «климат по заказу» — дело безотлагательное.

— Нашему институту,— продолжает Геннадий Михайлович,— хоть он не имеет ничего общего с метеорологией, волей-неволей приходится заниматься климатом. Мы уже разработали проекты холодильных установок для Рутченковки, для «Бутовской-глубокой», а недавно совнархоз утвердил проектное задание по «Мушкетовской-заперевальной». Так что холода,— шутит инженер,— мы нагоним в шахты, хоть отбавляй.

— Кстати,— заметила Татьяна Григорьевна Абрамова, один из авторов проекта подземного холодильника для шахты 17—17-бис,— основные принципы действия холодильных машин вы, вероятно, знаете? Ведь работа этих установок основана на свойстве некоторых газов кипеть при низких температурах и поглощать при этом тепло холодоносителя — воды или рассола.

Привычно и быстро она стала набрасывать схему холодильной установки, изображая маленькими стрелками направление движения газа, воды, охлаждаемого воздуха. Аммиак — коварный газ: он воспламеняется и взрывается, а к тому же вредно действует на организм человека. Для шахты он, разумеется, не пригоден. Другое дело — фреон, у него кроткий нрав: он не горит и не взрывается, не имеет ни запаха, ни цвета и совершенно безвреден для человека.

...На шахту-новостройку «Бутовская-глубокая» едем в юрком вездеходе с хлопающим, точно парус, зеленым брезентовым тентом. Издали шахта выглядит необычной: не видно копра, зато стоит какая-то высокая башня.

— Башня? — посмеиваясь, переспрашивает Цурпал.— Это же копер!

— Копер? Но где же здание подъемной машины?

— А разве оно так необходимо? Тут подъемная машина смонтирована в самом копре — вон там, наверху. Для глубоких шахт подъем — я уже говорил об этом — всегда был серьезным тормозом. Попробуйте навесить на шкив и опустить в шахтный ствол стальной канат длиною более километра. Ведь не всякий канат такой длины выдерживает даже собственный вес — рвется, как нитка. А прибавьте-ка вес железной клети да еще вес полезного груза — угля. Очень сложное дело! Но теперь эта задача, как видите, решена: «Бутовская-глубокая» по проектному заданию имеет глубину в тысячу шестнадцать метров, и, пожалуйста, подъемная машина действует безотказно. А вон там обоснуется наша фабрика холода.

На шахтном дворе валялись сколоченные из досок громоздкие катушки из-под электрического кабеля, белели штабеля заготовленного впрок строительного камня. В воздухе реяли запахи свежераспиленного леса и горячей смолы. Но я представил себе, как все будет выглядеть здесь по окончании строительства и каким будет тогда климат под землей.

Вся эта сложная промышленная установка будет вырабатывать ежечасно 14 миллионов килокалорий холода — столько, что его хватило бы, чтобы целый эшелон железнодорожных цистерн превратить в течение часа в лед. Но здесь холод используется с иной целью. Рассол, остуженный до такой температуры, что на трубах выступает изморозь, накачивается в систему змеевиков. Змеевики эти установлены близ шахтного ствола в герметической продольной камере, куда мощный вентилятор непрестанно нагнетает воздух — сотни кубических метров в секунду, или миллион кубометров в час. Со сдержанным гулом, напоминающим отдаленный рокот водопада, потоки охлажденного в камере воздуха вихрем низвергаются в глубину ствола, движутся под землей по главным горным выработкам и, несколько ослабев, озорно посвистывают в щелях обмазанных глиной дощатых перемычек.

В недрах шахты залегает мощный пласт высокоценного угля. Если бы не холодильная машина, разрабатывать этот пласт было бы невозможно: температура горных пород здесь достигает чуть ли не сорока градусов,— превозмочь такую жару человеку не под силу. А сейчас шахтеры трудятся в лавах, даже не снимая одежды. Ученые меняют климат подземных сахар...

— Благодать! — говорят шахтеры, подставляя разгоряченные лица навстречу прохладным воздушным струям и улавливая запахи цветущей степи.

Гул машин не затихает под землей ни на час, и каждые сутки с подъездных путей «Бутовской-глубокой» уходит несколько эшелонов драгоценного «солнечного камня».

ВОЗРОЖДЕНИЕ «ПЕНАТОВ»

Дом-усадьба И. Е. Репина.

Фото Н. Ананьева.

С правой стороны Приморского шоссе сквозь яркую листву деревьев проглядывает новый бревенчатый дом. Стеклянные скаты кровли, изломанные линии стен, резные украшения, многоугольные узорчатые веранды, балконы — все это подчеркивает нетленную красоту русского деревянного зодчества.

Живописный парк, окружающий дом, изрезан дорожками. Они тянутся вверх, прерываясь крохотными мостиками, перекинутыми через пруды, и выходят к «Площади Гомера». На ней — небольшой павильон «Храм Озириса и Изиды»...

Мы в «Пенатах», в усадьбе великого русского художника Ильи Ефимовича Репина, где он провел последние тридцать лет своей жизни. Все здесь — и дом необычной архитектуры, и парк, и беседка — создавалось по замыслу самого художника, многое было сделано его руками. Далеко в парке, на холмике — могила Репина, он сам выбрал себе это место «между двух можжевельников, так похожих на кипарисы».

...Входим в маленькую прихожую дома. Она, как и все другие помещения, обставлена подлинными вещами художника, спасенными в начале Великой Отечественной войны. Справа медный гонг, ударяя в него, гости извещали о своем появлении. На вешалке — репинская крылатка, шляпы, в углу — трости и старая железная лопата, с ней Илья Ефимович работал в саду.

Застекленная с трех сторон, залитая светом комната — рабочий кабинет. На столе — бювар, портфель, увеличительное стекло, которым пользовался художник. В двадцатых годах И. Е. Репин в своем кабинете слушал политические, литературные и музыкальные радиопередачи из Советской России. «Слушая по радио лекции Пролетарната,— писал он,— я много раз был восхищен теми истинами, которыми живет уже его лучшая часть (особенно молодые писатели)».

В гостиной — рояль, ноты, все как при жизни художника. Здесь пел Ф. И. Шаляпин, исполняли свои произведения А. Глазунов, Б. Асафьев. Летом собиралось столько музыкантов, что концерты переносились в парк, на «Площадь Гомера». Зимой, когда в курортном поселке жизнь замирала, в гостиную приходили дворники, сторожа дач, они слушали произведения Пушкина, Некрасова, жена художника читала для них популярные лекции, Репин в это время делал наброски.

Из гостиной идем на круглую веранду, где Репин занимался скульптурой. В июне 1905 года Максим Горький на этой веранде впервые читал свою новую пьесу «Дети солнца». Это событие запечатлено Репиным на рисунке, факсимильная репродукция с которого висит при входе.

Посреди столовой — знаменитый круглый стол, за которым часто собирались Горький, Стасов, Павлов, Бехтерев, Морозов, Лядов, Маяковский, Кони, Куприн, Короленко, Чуковский, Бродский...

Узенькая, но удобная лесенка ведет в зимнюю мастерскую. С утра до глубокой ночи трудился здесь Репин. От бесконечной работы отказала правая рука, тогда он стал писать левой. Вот подвесная палитра. Ею великий художник пользовался, когда уже не в силах был держать палитру.

Идем из комнаты в комнату и сравниваем: да, все как было и прежде, до войны. Нам приходилось бывать в «Пенатах» сразу после окончания войны. Тогда здесь торчал лишь почерневший от пожара каменный фундамент, а вокруг обугленные деревья. Нелегко было вернуть прежний облик «Пенатам». Никаких чертежей не осталось, пришлось воссоздавать дом и парк по фотографиям. В поселок Репино съехались искусные плотники и по бревнышкам сложили сказочный дом. С большой любовью научные сотрудники восстанавливали обстановку мемориальных комнат и экспозицию музея-усадьбы.

Репин завещал свою усадьбу Академии художеств, он хотел сохранить комнаты в их первозданном виде. В день столетия со дня рождения великого русского художника Советское правительство решило восстановить усадьбу как памятник русской культуры. И вот «Пенаты» возрождены и переданы Академии художеств СССР.

К. ЧЕРЕВКОВ

«Пенаты» в день освобождения Советской армией. 1944 год.
Фото Я. Рюмкина.

ПАМЯТИ ХАНСА КИРКА

Из Дании пришла печальная весть: умер замечательный датский писатель Ханс Кирк.

Когда оглядываешь пройденный Кирком путь упорной борьбы и бескорыстного служения народу, вспоминаешь стойкость и мужество этого писателя — коммуниста, трибуна, гражданина.

Ханс Кирк родился в 1898 году в семье врача в небольшом селении в Ютландии. Прежде чем стать писателем, он некоторое время работал юристом, затем выступал как литературный критик и журналист. Уже в 1927 году в статье «Литература и тенденция» Кирк сформулировал свое литературное кредо: «Мы находимся в гуще социальных проблем. Борьба идет не на жизнь, а на смерть. И в этой борьбе литература должна принимать непосредственное участие».

Первый роман Кирка, «Рыбаки», вышедший в 1928 году, является прямым творческим подтверждением этих слов. В романе описана жизнь нескольких рыбацких семей в заброшенном поселке Ютландии, жизнь, полная лишений и изнуряющего труда. Симпатии писателя на стороне этих замкнутых, суровых людей. Талантливый реалистический роман тотчас же выдвинул Кирка в число ведущих датских писателей.

В своем новом романе, «Поденщики», опубликованном в 1936 году, Кирк поднимает еще одну большую тему — жизнь датской деревни накануне первой мировой войны.

Прогрессивная литературная критика Скандинавии, высоко оценивая творчество Кирка, в частности в связи с этим романом, указывала на творческое родство произведений Кирка и Нексе.

Описанию жизни батраков, ставших индустриальными рабочими, посвящен роман Кирка «Новые времена». Последняя часть задуманной автором трилогии была закончена в концентрационном лагере, куда писатель был брошен в дни гитлеровской оккупации Дании. Но рукопись там погибла. Вместе с этой рукописью погибла и рукопись исторического романа «Раб», в котором писатель в иносказательной форме говорил о сопротивлении датских патриотов немецким оккупантам. Этот роман был заново восстановлен писателем после войны.

Советскому читателю Ханс Кирк знаком по трем книгам: «Поденщики», «Деньги дьявола» и «Клитгорд и сыновья». Две последние книги посвящены событиям второй мировой войны и послевоенным годам в Дании. Активный борец за мир и свободу, лично участвовавший в борьбе с фашизмом, Ханс Кирк стремился показать, что ни один человек не должен оставаться в стороне от борьбы за свободу и независимость.

Несмотря на продолжительную и тяжелую болезнь, Ханс Кирк почти до конца своих дней участвовал в литературно-общественной жизни.

Советский читатель разделяет скорбь датского народа, потерявшего одного из своих верных сынов.

В. МОРОЗОВА

Рассказывает судья международной категории Н. Г. ЛАТЫШЕВ

Двадцат

Как известно, финальный матч на мировом футбольном чемпионате в Чили судил советский арбитр Н. Г. Латышев. Подобной чести удостаивается лишь тот, кто признан лучшим судьей первенства.

Вернувшись из Чили, кандидат технических наук доцент Московского станкоинструментального института Николай Гаврилович Латышев в тот же день с головой окунулся в работу: идет горячая пора экзаменов. Корреспондент «Огонька» попросил Николая Гавриловича рассказать о своих чилийских впечатлениях.

Что вспоминается первым долгом, когда перебираешь мысленно события седьмого первенства мира? Мне, как арбитру, судившему финальный матч Бразилия — Чехословакия, ярче всего запомнились именно эти девяносто минут. С них и хочется начать. На чилийском чемпионате некоторые предварительные матчи в группах были рекордными по грубости. Что можно сказать об игре, если у каждого из двадцати двух футболистов появился здоровенный синяк или ссадина? Иной раз доставалось и двадцать третьему — судье. Грубых матчей, подобных встрече Италия — Чили, было, к сожалению, немало. Наша команда тоже изрядно пострадала от грубости.

На этом печальном фоне встреча Бразилия — Чехословакия выглядела истинно рыцарским состязанием. Хорошо играли и бразильцы и чехи. По общему мнению, оба финалиста показали футбол высокого класса. Но все-таки, безусловно, лучше, сильнее играли бразильцы, и победа их не случайна.

В чем главная сила бразильской сборной? У меня сложилось такое впечатление, что эта команда в любой момент девяностоминутной борьбы может менять ритм игры, как ей угодно. И в любой момент она может, как выражаются спортсмены, «прибавить» ровно столько, сколько нужно, чтобы забить решающий гол. Это похоже на работу мотора: водитель захотел прибавить оборотов — нажал на педаль, захотел сбросить обороты — отпустил педаль. А основана эта удивительная способность на высокой технике.

Повторяю, игра Бразилия — Чехословакия была корректной и красивой. На мою долю выпало только одно трудное мгновение. Во время атаки чехословацких форвардов мяч на штрафной площадке попал в руку бразильского защитника. Кто-то из чехословацких футболистов издал возбужденный клик, кто-то азартно замахал руками. Искренне заблуждаясь, они в запале борьбы пытались апеллировать ко мне: мол, почему же я не назначаю одиннадцатиметровый штрафной удар? Но это было бы несправедливо, попросту неправильно. Мяч попал в руку защитника по чистой случайности, причем в игровой ситуации, сложившейся на штрафной площадке, этот факт ничего не изменил. Все осталось бы по-прежнему, если бы мяч и не попал в руку. Наказывать бразильскую сборную пенальти не было никаких оснований. И я не дал свистка.

Л. КОРОЛЕВ

ПАРИЖСКОЕ ЛЕТО, АЛЖИРСКАЯ

Человек в форме парашютиста, которого заботливо усаживают в машину,— оасовец Арман Бельвизи.

Сторонники и адвокаты Салана не скрывали своей бурной радости, узнав, что французское правосудие не решилось вынести оасовскому главарю смертный приговор.

Фото ЮПИ.

В Париже наконец наступило настоящее лето. Ртутный столбик держится днем у 25, а ночью не падает в непосредственную близость к нулю, как это было в конце мая. Вечерний холод и дождь больше не распугивают парижан, и они с упоением предаются своему любимому занятию: бродят по залитым разноцветным неоном бульварам и Елисейским полям или сидят за столиками уличных ресторанчиков, медленно потягивая «божоле», «пастис» или остывший кофе. По субботам у городских ворот творится что-то невообразимое: множество машин увозит парижан в Рамбуйе или Фонтенбло, подальше от городского шума и пыли, от недельной суеты, от туристов, которых в Париже сейчас целые полчища. Возглавляемые энергичными гидами, они смело бросаются на приступ Эйфелевой башни, обстреливают из фотоаппаратов многочисленные парижские достопримечательности.

Но во французской столице стреляют не только из фотоаппаратов. Мне пришлось видеть, как на улице Сонтей большой отряд полицейских в течение полутора часов по всем правилам военного искусства вел осаду дома номер три. Хлестали автоматные очереди, глухо хлопали крупнокалиберные пистолеты, рвались гранаты. С третьего этажа летели стекла и штукатурка, пули звонко шлепали по витой решетке балкона. Из толпы любопытных, держащихся на почтительном расстоянии от места битвы, время от времени раздавались иронические замечания в адрес полицейских. Дело в том, что весь сыр-бор разгорелся из-за одного оасовца — Армана Бельвизи, которого парижские флики давно выследили. Чтобы его арестовать, потребовалось полтора часа и то лишь потому, что Бельвизи сдался сам. Полицейские, осмотрев его квартиру, обнаружили там целый оружейный склад. Я слышал, как один из инспекторов бросил другому: «Он мог бы нас продержать у дверей всю ночь».

— Да, наши ажаны изящно обращаются с фашистами. Ведь они отвечают за каждый волосок на их голове,— сказал мне мой спутник Эме Радигон, когда мы уходили с места недавней схватки.— Иное дело — алжирцы.

Мне вспомнились эти слова моего старого французского друга несколько позже, когда я узнал о зверской расправе парижских полицейских с безоружными алжирцами. Они требовали освободить своих незаконно арестованных товарищей. А их встретили дубинки, приклады, пули. И это было накануне референдума!

Сейчас, пожалуй, нет человека в Алжире или во Франции, кто бы сомневался в результате голосования, которое проходит сегодня. Нельзя даже предположить, что у алжирцев может быть иное мнение о своей судьбе, чем то, которое они столько лет выражали оружием.

Официальный Париж хочет казаться объективным и, пожалуй, благосклонным. «Французы прозревают»,— заявил на днях французский премьер Жорж Помпиду. Эти слова скорее относятся к тем высокопоставленным лицам, которые несут ответственность за

ь третий на поле

Судьи и комиссары ФИФА, наблюдавшие за этим матчем, нашли мои действия правильными, и не думаю, чтобы сейчас чехословацкие футболисты испытывали чувства, похожие на обиду.

В печати уже много раз упоминалось о золотом свистке, с которым якобы я судил в финале. Должен внести ясность в эту деталь. Во-первых, свисток не золотой, он отлит из белого металла, напоминающего серебро. Золотым его называют символически, имея в виду, что рефери, обладающий этим свистком, судит матч, решающий судьбу кубка «Золотой богини». Во-вторых, должен по секрету признаться, что так называемый золотой свисток все девяносто минут спокойно пролежал в кармане, а во рту у меня был другой свисток, подаренный мне секретарем генерального секретаря ФИФА еще раньше, в самом начале чемпионата, так как мои свистки остались в чемодане, который у меня пропал по дороге в Чили. Пришлось, между прочим, срочно телеграфировать в Москву, чтобы прислали новую судейскую форму с оказией: группа наших тренеров вылетала на чемпионат несколько позже. Подаренный свисток оказался очень хорошим и к тому же счастливым: с ним я судил предыдущие матчи, и он довел меня до финала.

После того, как я свистнул в матче Бразилия — Чехословакия в последний раз, возвестив, что игра окончена, произошел забавный инцидент.

Перед началом игры комиссар ФИФА, назначенный для наблюдения за этот матч, объяснил мне, что после финального свистка я должен взять мяч и вручить его капитану победившей команды. Этого требует ритуал чемпионата. И вот, окончив состязание и взяв мяч, я хотел поступить именно так, как мне сказал комиссар. На поле в тот момент творилось нечто невообразимое. Тучи репортеров и фотокорреспондентов облепили игроков, все бегали, метались, лихорадочно блестя глазами. Я стоял с мячом в руках, пережидая бурю, и, грешным делом, думал, как бы массажист бразильской команды — довольно дюжий парень — опять не выкинул стокгольмской штучки. Тогда вот в такой же момент, когда бразильские футболисты ликовали по поводу своей победы, он коршуном налетел на судью и отобрал у него мяч.

Едва я успел об этом подумать, как массажист оказался тут как тут. Он подкрался сзади, рукой, по-баскетбольному, выбил у меня мяч, схватил его и бросился бежать за ворота. Чудак, он не знал, что эта добыча по закону принадлежит его команде.

Когда в судейской комнате были окончены формальности, пришли представители бразильской команды. Они принесли и вручили мне мяч, усеянный автографами чемпионов мира. Это был совершенно новенький мяч, один из трех запасных, предназначавшихся для финальной встречи. Мне, конечно, приятно сознавать себя обладателем такого уникального сувенира...

Всю степень футбольной страстности южноамериканцев, в частности чилийцев, я познал несколько необычным образом, и об этом стоит рассказать.

10 июня в городе Ранкагуа я судил четвертьфинальный матч Чехословакия — Венгрия. А в Арике в те же часы шел поединок СССР — Чили. Народу на трибунах было довольно много. Принимали зрители игру венгров и чехословаков отлично. Четко разыгранная комбинация или сильный удар по воротам отмечались легким одобрительным шумом. И вдруг в тот момент, когда передо мною шла спокойная распасовка в центре поля, трибуны взорвались неистовым ревом, как будто они вот сейчас провалятся в тартарары. Я настороженно огляделся, подумав: уж не происходит ли на поле что-нибудь невероятное у меня за спиной? Нет, все игроки ведут себя по правилам, все в полном порядке.

Прошло какое-то время, и опять в самый неподходящий момент, когда на поле не происходило ровным счетом ничего особенного, трибуны стадиона второй раз едва не рассыпались в прах. Мелькнула догадка: вероятно, что-то произошло на стадионе в Арике. Так оно и было: два взрыва — два гола, забитых в наши ворота чилийцами.

У многих болельщиков имелись портативные радиоприемники. И сразу стало понятно прохладное отношение зрителей к той футбольной драме, которая разворачивалась у них перед глазами. Скорей всего они вообще-то ничего не видели, целиком отдавшись тому, что слышали. Раздваиваться, понятное дело, трудно.

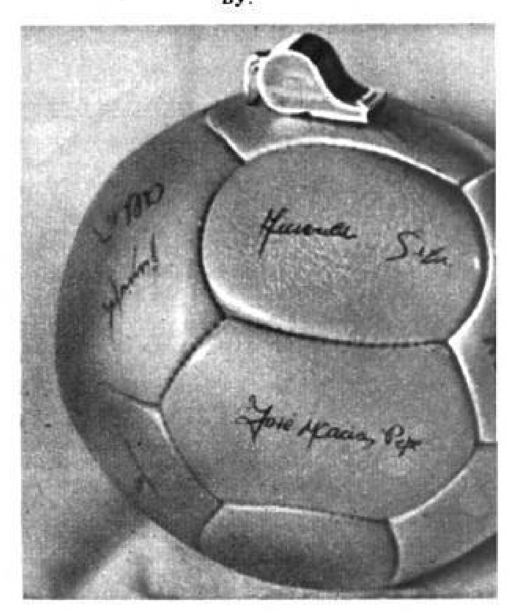
К сожалению, мне невозможно было попасть в Арику и не посчастливилось ни разу увидеть игру нашей сборной. В этом смысле мое положение было сродни положению чилийских любителей футбола, которые следили за одним матчем, а думали о результатах другого. С той только разницей, что у них были причины радоваться, а у меня,— испытывать горечь. Ведь от судьи требуется безукоризненная объективность только на поле, и никто не может требовать, чтобы он оставался равнодушным, когда проигрывает его команда.

Нет слов, очень лестно быть арбитром в финале мирового чемпионата. Но многое дал бы я, чтобы судейская комиссия была лишена возможности назначить меня судьей финального матча: мне не разрешили бы судить эту игру, если бы соперниками бразильцев оказались советские футболисты. Но, увы, этого не произошло.

Финальный матч Бразилия — Чехословакия. Судья — Николай Латышев.
Фото АПН — АП.

Этот мяч с автографами чемпионов мира и почетный свисток были вручены Николаю Латышеву.

ВЕСНА

бессмысленную многолетнюю войну, стоившую Алжиру миллиона убитых, 2 миллионов брошенных в тюрьмы и концлагеря, пропавших без вести,— войну, которая унесла жизни 500 тысяч французских юношей.

И если сегодня эти господа пытаются встать в позу умиротворителей в Алжире, то только лишь затем, чтобы нажить на этом политический капитал.

Разверните любую парижскую газету, и вы прочтете страшные новости. Кучка озверевших бандитов, потеряв всякое чувство реальности, стремится любой ценой остановить идущий по дороге свободы народ Алжира. От убийств женщин, стариков, детей, от беспорядочных расправ над беззащитными алжирцами оасовцы перешли к проведению в жизнь своего плана «выжженной земли». Фашисты уничтожают здания почт, мэрии, лечебницы, школы, лаборатории, учебные помещения, нефтяные скважины... ОАС грозит скорее сжечь все и разрушить, чем оставить что-нибудь независимому Алжиру. «Когда я слышу, что говорят о культуре, я вытаскиваю свой револьвер»,— похвалялись в свое время нацисты. Оасовцы предпочитают пластическую бомбу.

Мне приходилось беседовать со многими французами, и надо сказать, что большинство из них осуждает бездействие властей в отношении ОАС. «У нас есть люди, которым позволено убивать, калечить, красть машины, набивать их взрывчаткой с тем, чтобы взорвать где-нибудь в общественном месте. И самое большее, чем они рискуют,— это провести некоторое время в тюрьме. Если преступник является руководителем ОАС, то ему дают на десерт мороженое, чтобы заключение не казалось ему слишком тягостным». Я привел отрывок из письма, полученного от одной французской знакомой. Мадемуазель Монтобан (так ее зовут) с возмущением пишет о процессе над бывшим генералом Саланом, считая приговор оскорблением жертв, павших от рук оасовцев.

В поздний майский вечер, когда был объявлен этот приговор, мне довелось быть неподалеку от Дворца правосудия. Правда, близко к обители французской Фемиды никого не пускали, и мы вместе с одним французским журналистом стояли на другой стороне Сены. Маленький портативный транзистор позволил нам услышать окончание процесса, проходившего в бывших парадных покоях короля. Когда председатель трибунала зачитал приговор, из приемника вырвался дикий шум. Сторонники Салана начали орать от восторга. У них было чему радоваться. Преступник, на совести которого тысячи жизней, был фактически оправдан.

— Этого следовало ожидать,— с горечью сказал мой французский коллега.— Власти еще раз доказали, что борьбу с ОАС они ведут лишь на словах. Ну, а фашисты, конечно, наглеют.

События, последовавшие за процессом Салана, доказали правоту моего собеседника. Оасовцы окончательно распоясались.

Новое преступление «ультра», убивших на днях коммуниста Пьера Верже, подтверждает это. Пять ножевых ран оборвали жизнь этого молодого парня. Оасовцы убили его в тот момент, когда он писал на стене антифашистский лозунг, убили, давая этим понять, что они не сложили оружия. «Все еще только начинается»,— заявил недавно один из фюреров «ультра», Жорж Бидо, в интервью корреспонденту бельгийской газеты «Дерниер Эр».

Итак, «все еще только начинается». Взрывы, убийства, поджоги. ОАС переносит центр своего удара во Францию. А полиция смотрит на это сквозь пальцы, «успевая» к месту преступления лишь для того, чтобы зарегистрировать его. Так было с Пьером Верже. Он умер в полицейской машине по дороге в больницу. Убийца Пьера, конечно, не найден... Когда читаешь сообщения газет о страшных преступлениях, творимых ОАС в Алжире, то невольно удивляешься стойкости и выдержке алжирского народа. Алжирцы честно выполняют Эвианские соглашения, хотя терпение народа достигло предела. «Гнев наших масс усиливается,— отмечал недавно глава Временного правительства Алжирской Республики Юсеф Бен Хедда.— Такое положение не может продолжаться, тут поставлен вопрос о будущем сотрудничестве между Алжиром и Францией».

Сообщения, поступающие из Алжира, свидетельствуют о резком падении влияния ОАС среди европейцев. Сегодня многие из них заявляют о своей решимости участвовать вместе с арабами в строительстве нового, независимого Алжира. По свидетельству парижского радио, «многие европейцы, придерживающиеся различных взглядов, решили объединиться в особую организацию, цель которой — бороться вместе с алжирским народом против ОАС». «Первого июля,— отмечает агентство Альжери-Пресс-Сервис,— алжирский народ и европейцы, готовые жить в Алжире в условиях равенства, достоинства и свободы, будут противостоять фашистам и их соучастникам».

Судьба Алжира сегодня ни у кого не вызывает сомнения. На его многострадальную землю пришла весна свободы.

ПРИМИТЕ СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЕМ МИР ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ ПРИРОДЫ ОТКРЫТЫЙ ВАМИ КАРТИНАХ КНИГАХ ВОЛНУЕТ МИР ПРЕКРАСЕН И ПУСТЬ ЕГО КРАСКИ РАДОСТЬ ОБЩЕНИЯ ЛЮДЬМИ ТРУДА ДОЛГИЕ ГОДЫ СОПУТСТВУЮТ ВАМ РУКА И СЕРДЦЕ ХУДОЖНИКА ПИСАТЕЛЯ ПУСТЬ ОСТАНУТСЯ МОЛОДЫ И ЧУТКИ СПАСИБО ВАМ ЗА ТАЛАНТ ЩЕДРО ОТДАВАЕМЫЙ ЛЮДЯМ АМЕРИКА РИДА РОБСОНА КЛИБЕРНА КЕНТА БЛИЗКА НАМ МЫ БЛАГОДАРНЫ ЕЙ ЗА ТАКИХ ЛЮДЕЙ ЖЕЛАЮ ЗОРКОСТИ ЗДОРОВЬЯ ДОЛГИХ ЛЕТ ЖИЗНИ ВАМ И ВАШЕЙ СУПРУГЕ

Слова без знаков препинания теснятся на узкой телеграфной ленте. Вверху на бланке обозначено: «Москва, гостиница «Националь», Рокуэллу Кенту». Внизу подпись: «Рабочий из Москвы»...

Художник перебирает телеграммы, вглядывается в строчки, в подписи. Откладывает погасшую сигарету, опирается о край стола.

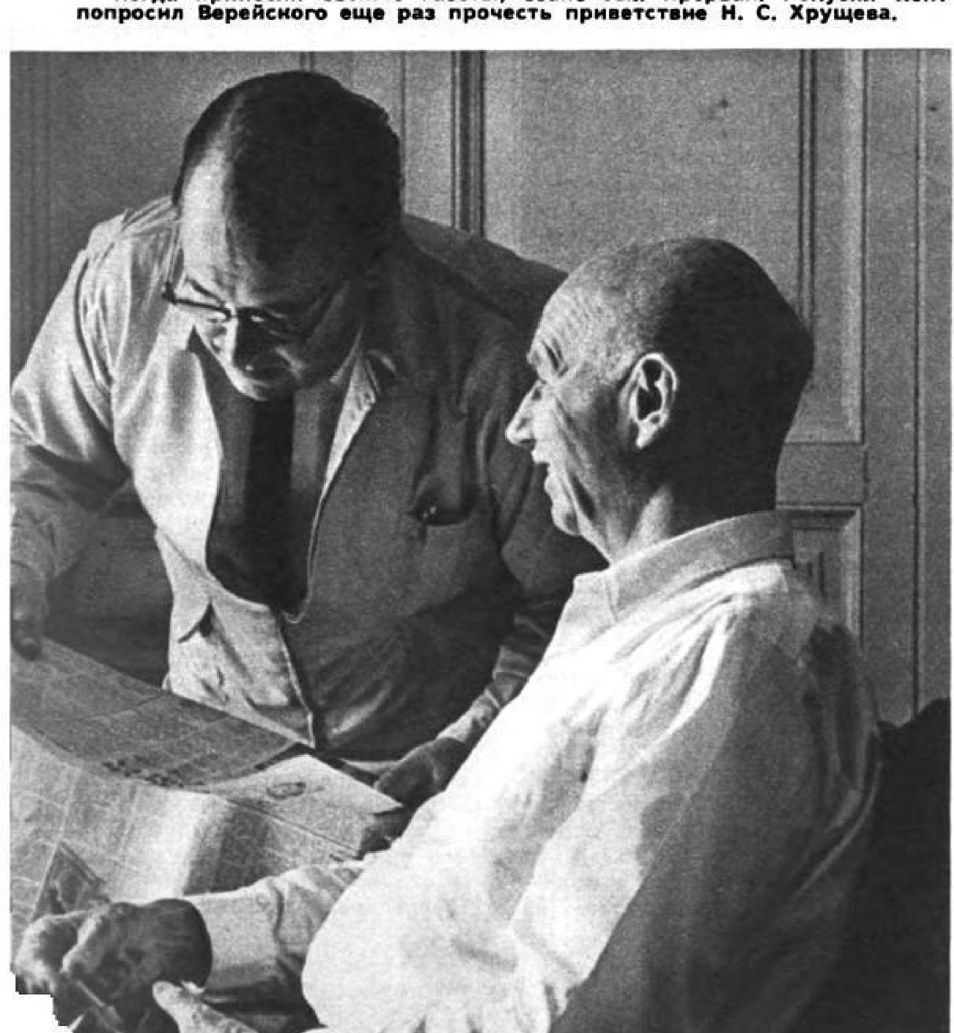
В комнате тихо. Легкий тополиный пух залетает сюда, кружится в лучах солнца. Восемь раз бьют кремлевские куранты.

Люди всегда стремятся встретить день рождения в кругу самых близких. Рокуэлл Кент приехал в Москву.

ДЕНЬ РОЖДЕ

В этот день руки старого мастера, привыкшие держать кисть, карандаш, перо, спокойно лежали на коленях. А живые глаза лукаво прищурились. Он позировал художнику Оресту Верейскому.

Когда принесли свежие газеты, сеанс был прерван: Рокуэлл Кент попросил Верейского еще раз прочесть приветствие Н. С. Хрущева.

— Вот теперь, Сэлли, мне действительно все восемьдесят! Не правда ли? — шутит Рокуэлл Кент, примеряя маску — подарок художников Кукрыниксы. С ними Кента связывает давняя дружба. Недаром Кукрыниксы провозгласили «Рокуэлла Рокуэлловича» четвертым членом своего творческого объединения и вручили ему соответствующий «почетный диплом».

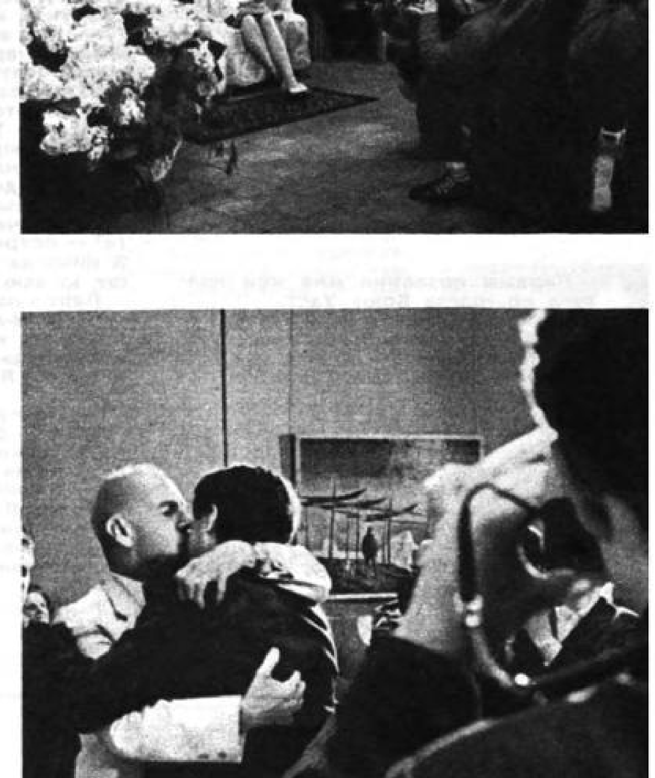
НИЯ

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Г. ЗУБКОВ,
В. ЛЮБОВЦЕВ

Еще накануне мы попросили у мистера Кента разрешения провести с ним вместе весь его день рождения — с утра до вечера. Он любезно согласился. Сначала нас было шестеро: супруги Кент, переводчик и трое ваших корреспондентов. Но с каждым часом гостей становилось все больше, и все больше становилось цветов, подарков, телеграмм. А когда Рокуэлл и Сэлли Кент вышли на улицу, юбиляра ждали совершенно неожиданные и потому вдвойне приятные поздравления. Его узнавали, к нему подходили москвичи.

— Я чувствую по крепкому рукопожатию, что вы поздравляете меня искренне, от души, — говорил Кент совсем незнакомым людям...

Официальное чествование выдающегося американского художника, борца за мир состоялось в Академии художеств СССР. Было оглашено приветственное письмо Никиты Сергеевича Хрущева. С добрыми пожеланиями к верному другу Советского Союза обратились руководители общественных организаций, художники, писатели, архитекторы, работники картинных галерей, школьники. На снимке справа: Рокуэлла Кента поздравляет Борис Полевой.

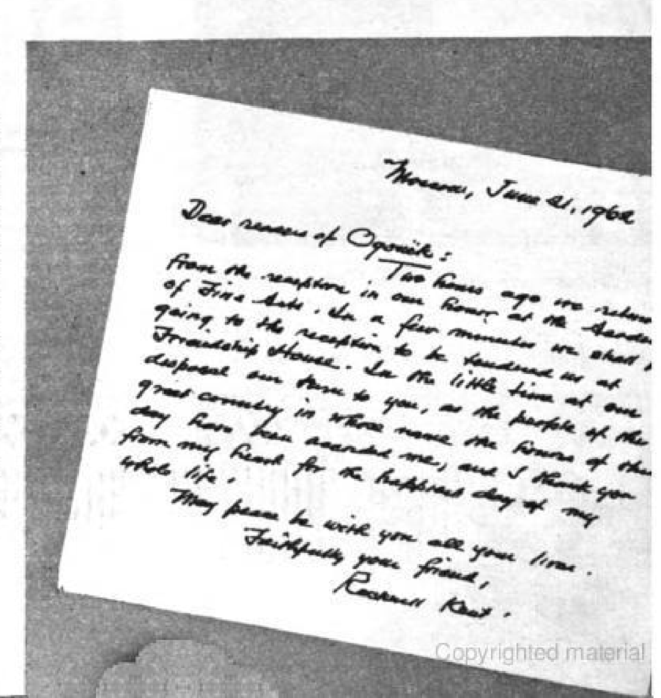
Москва, 21 июня 1962.

Дорогие читатели «Огонька»!

Два часа назад мы вернулись с торжественного собрания, устроенного в нашу честь в Академии художеств. Через несколько минут мы отправимся на прием в Дом дружбы. В то короткое время, которое остается в нашем распоряжении, я хочу обратиться к вам, людям великой страны, именем которой мне была дарована честь находиться здесь в этот день; и я от всего сердца благодарю вас за этот день — самый счастливый день всей моей жизни.

Пусть мир будет с вами всю жизнь!

Ваш искренний друг
Рокуэлл КЕНТ.

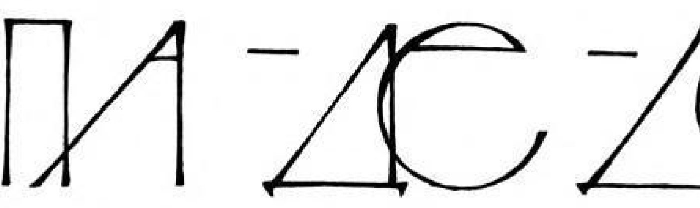
Moscow, June 21, 1962

Dear readers of Ogonek:

Two hours ago we return
from the reception in our honor at the Acade
of Fine Arts. In a few minutes we shall
going to the reception to be tendered us at
Friendship House. In the little time at our
disposal I turn to you, as the people of the
great country in whose name the honor of this
day has been accorded me; and I thank you
from my heart for the happiest day of my
whole life.

May peace be with you all your lives.

Faithfully your friend,
Rockwell Kent.

ПА-ДЕ-ДЕ

Грегори КЛАРК
(Канада)

Рисунок Ю. Черепанова.

Первым позвонил мне мой коллега по газете Брюс Уэст.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он более заботливо, чем это было свойственно ему.

— Прекрасно.. А вы как? — отозвался я.

Пауза.

— Как вы себя чувствовали последнее время? — продолжал он.

— Прекрасно. Прекрасно! — повторил я.— Что нового?

— Вы не расстраивались за последнее время или что-нибудь в этом роде? — настаивал Уэст.

— Ничего подобного, — заявил я, несколько возмутившись.— Что все это значит?

— Ну, как вам сказать... я слыхал, вы были расстроены чем-то,— сказал Уэст.— Вы где-нибудь кутили или что-то там такое?.. Не падали с повозки?

— Конечно же, нет! — закричал я.— Все знают, я трезвенник, хотя и не такой уж убежденный.

— О'кэй! О'кэй! — успокаивал меня Уэст.— Я, должно быть, что-нибудь перепутал.

И хотя я продолжал расспрашивать его, что означали все эти вопросы, он переключил разговор на другую интересную тему, и я позабыл обо всем.

Но спустя полчаса мне позвонил Джил Парсл, директор агентства Кэнэдиэн Пресс. Это своеобразный тип: знает все, что делается всюду.

— Эй,— сказал он,— что нового?

Вообразить только! Спрашивает меня! Я ведь отстал и закопался в событиях времен войны 1812 года.

— Как вы себя чувствуете в последнее время? — спросил Парсл.

— Послушайте,— сказал я,— вы, что же, затеяли какую-то игру с Уэстом, что ли? Не прошло и получаса, как Уэст подверг меня такому же допросу.

— Ну, как же все-таки ваше здоровье? — допытывался Парсл.— Я слыхал, вы не совсем здоровы.

— О чем вы, ребята, толкуете? — потребовал я объяснения.— Я никогда не чувствовал себя лучше за всю свою жизнь.

Парсл помолчал.

— Ммм-хмм, — промычал он. — Скажите, не были ли вы на какой-нибудь вечеринке за последние дни? Я имею в виду в дневное время.

— Послушайте,— произнес я громко.— В чем дело? Я не был ни на одной вечеринке со времени перемирия 1918 года.

— О'кэй! О'кэй! — сказал Парсл.— Я позвоню вам позднее.

Примерно в полдень мне позвонил Ральф Аллен, редактор журнала «Маклинс мэгэзин». Около часа дня раздался звонок Билли Милна, моего постоянного партнера по рыбной ловле. Едва я успел повесить трубку, как позвонил мой брат Артур. Все они хотели узнать то же самое: как я себя чувствую.

В три часа дня жене позвонила ее кузина Элла, чтобы сказать, что если моя жена когда-нибудь попадет в беду, то может рассчитывать на нее, на Эллу.

— Ходят какие-то слухи,— объяснил я жене, — о которых никто из наших друзей не хочет рассказать нам.

В четыре часа дня зазвонил дверной звонок, и на пороге оказались Уэст, Парсл, Аллен, мой брат Артур, Билли Милн и незнакомый джентльмен с портфелем.

— Можно ли нам поговорить с вами наедине? — спросил Парсл, который возглавлял делегацию, потому что он всегда возглавляет делегации.

Я пригласил их наверх в мой так называемый кабинет.

— Грег,— сказал Парсл ласково,— весь город говорит о том, что вы странно ведете себя.

— Веду себя странно? — хрипло спросил я, потрясенный.

— Публично,— сказал Уэст.

— Это, — сказал Артур, указывая на незнакомца,— доктор Мак-Диффер, психиатр.

Я потерял дар речи и безмолвно оглядел окруживших меня так называемых друзей.

— Где,— сумел я выговорить наконец,— видели меня ведущим себя странно? Публично?

Никто из них не знал. Они лишь ссылались на слухи, ползущие по всему городу. Я начал сердиться.

— Ну, ребятки,— сказал я,— прежде чем подвергать меня психоанализу, не могли ли бы вы связаться с теми, от кого вы услыхали эти толки, и выяснить, где вел я себя странно? Да еще в публичном месте!

Они заявили, что слухами полон весь город. Но доктор Мак-Диффер согласился со мною.

— Дайте конкретный пример, — сказал он.

После этого Уэст позвонил четырем парням. И каждый из них, оказывается, слыхал это еще от кого-то. «Танцевал на улице. Размахивал руками. Подбрасывал вверх свою шляпу», — говорили они.

— Ого! — вскричал я, начиная догадываться.

Но я не стал останавливать их. Пусть продолжают! Парсл позвонил шести парням и наказал каждому из них разбиться в лепешку, но докопаться до очевидца.

— Ого! — воскликнул я. — Ха-ха!

Они испуганно наблюдали, как я упал на кушетку и задергался, словно в конвульсиях.

Аллен позвонил трем. Артур, мой брат, — пяти. Билли Милн позвонил четырем.

В конце концов они нашли очевидца.

Друг Билли, который живет в Гамильтоне, видел, как я танцевал публично, прыгал, как лягушка, на улице, подбрасывал свою шляпу на сорок футов вверх и ловил ее на свою трость, гонялся за трамваями, передвигался гусиным шагом и ко всему еще ползал на четвереньках, как собака.

Мои друзья насторожились и рассматривали меня с глубоким сочувствием в то время, когда Билли с сожалением передавал факты, услышанные им по телефону из Гамильтона.

— Та-ак... — произнес доктор Мак-Диффер, расстегивая «молнию» на своем портфеле.

— Господа, — сказал я, принимая сидячее положение. — В Санни-Сайд находится больница святого Джозефа. Детское отделение на втором этаже обращено на юг. Из его окон открывается интереснейший вид на Озернобережное четырехрядное шоссе, рельсовые пути Канадской тихоокеанской и Канадской национальной железных дорог. Взад и вперед по этим путям каждые несколько минут проходят локомотивы, паровые и дизельные. За железными дорогами раскинулся простор огромного голубого озера, по которому проплывают пароходы, и парусники, и катера. Это прекрасная панорама.

Они все откашлялись и с грустью переглянулись.

— Мой внук Энди Кларк, — продолжал я, — находится в этой больнице. Время для посещения больных — от трех до половины четвертого. Это совершенно недостаточно для внука и деда. Поэтому я не беру свою машину, когда навещаю его. Я езжу туда на трамвае. И мне приходится садиться в трамвай на этом шумном шос-

---

Торжественный момент вручения Хрустального глобуса.

Последний тост за дружбу.

—ЖДЕМ ВАС НА

И. ВЕРШИНИНА,
специальный корреспондент «Огонька»

Эти слова, любезно и приветливо обращенные хозяевами к гостям, были лейтмотивом последнего дня Международного кинофестиваля в Карловых Варах.

В заключительный день тем, кто давал пресс-конференции, приходилось порой трудновато. Ну, как мог американский кинорежиссер Франк Капра — автор «Потерянного горизонта», создавший публицистический цикл фильмов «За что мы боролись?»,— оправдать те фильмы-ужасы, которые снимают сейчас его коллеги в США?!

Серьезный разговор завязался и на другой пресс-конференции. Чехословацкая кинематография зарекомендовала себя очень высоко, и корреспондентам хотелось узнать не только о тех фильмах, которые показывали на фестивале («Полуночная месса» и «Зеленые горизонты»), но обо всем, что выходит сейчас на экраны, снимается на студиях.

И вот наступил последний просмотр. Летний кинотеатр вместил, как обычно во все эти вечера, более 4 тысяч человек. Взвился и затрепетал на экране флаг фестиваля.

Завтра утром жюри сообщит свое решение. Кто получит Хрустальный глобус — Большую премию фестиваля? Этот вопрос волнует не только участников. На улице возле витрины, где выставлены премии, всегда полно народа — спорят... И хотя каждый говорит на своем языке, но все понимают друг друга. И когда в длинной непонятной фразе звучит «Баталов, о!» и лицо говорящего расплывается от восторга, когда все чаще слышатся два русских слова: «Девять дней»,— то видишь, что зрители уже высказали свое мнение.

А в залах ресторана, где обедают делегации, места членов жюри за столами пустуют. Не тронут прибор там, где стоит французский флаг,— отсутствует Бернар Блие; а там, где места советской делегации, не видно Григория Чухрая. У немцев не видно Б. Вики из ФРГ и Конрада Вольфа из ГДР. Члены жюри заседают... Они появились только вечером, на заключительном приеме, который устраивали хозяева фестиваля, но — увы! — до утра хранили торжественное молчание...

Среди киноактеров и режиссеров много молодежи. А молодежь всегда быстро начинает дружить. Все уже знали, что кубинская артистка Бланко еще недавно была бойцом милиции, а ее партнер Блас Мора, исполнитель главной роли в фильме «Педро уходит в Сьерру», как и его герой, тоже юношей ушел в горы и не раз сражался за свободу своей родины. А теперь он не только популярный артист, но еще и школьник. Сын лесоруба, старший брат восьми братьев и сестер, он только сейчас получил возможность учиться грамоте.

Знают и сложный творческий путь веселой и смешливой Анны Пруцналь. Польская артистка приехала на фестиваль с болгарским фильмом «Солнце й тень», в котором сыграла главную роль. В ранней юности ее не приняли в театральную школу из-за отсутствия внешних данных и голоса. Зато сейчас Анне предлагают множество ролей в кино, от которых она вынуждена отказываться, так как ей, студентке вокального факуль-

се, там, где находится бетонный островок для пассажиров.

На лицах моих друзей появилось осмысленное выражение.

— Итак, когда наступает половина четвертого, я выхожу от внука и стою на бетонном островке в ожидании трамвая. А Энди стоит в своей кроватке у окна. Сначала мы машем друг другу руками. Затем, когда другие посетители больницы входят уже в трамвай, я бегу к вагону, размахивая своей тростью, упуская трамвай, но получая взамен возможность видеть Энди еще четыре минуты. Пока на островок не приходят посторонние или не начинается слишком большое движение на шоссе, я вытворяю различные штуки. Это в некотором роде па-де-де, как говорят в балете, у нас с Энди. Мы исполняем па-де-де на расстоянии сотни ярдов друг от друга. Я хожу гусиным шагом для него. Он делает сальто в своей кроватке. Я ползаю на четвереньках. Он делает вид, что вот-вот вылезет из кроватки, и нянечка хватает его. Когда приходит следующий трамвай, будь я проклят, если я не упускаю также и его и бегу за ним, размахивая шляпой и тростью, что является забавным зрелищем для пятилетних мальчишек. И мы получаем еще четыре минуты сверх получаса, дозволенного больничными правилами.

Доктор Мак-Диффер застегнул молнию на своем портфеле.

— Вы подбрасываете свою шляпу, — уточнил Парсл, — на сорок футов вверх?..

— Ну, может быть, на тридцать, — признался я. — Может быть, на двадцать.

— Вот это больше похоже на истину, — произнес Парсл, педант.

— Ну, господа, — сказал я, — разрешите мне покончить с этим происшествием. Проклятие всем распространителям слухов!

Уэст украдкой провел пальцем по внутренней стороне воротничка. Парсл перекрестился исподтишка.

— Пусть у них на затылках чирьи повыскакивают, — воскликнул я, — так, чтобы они ходили со слегка пригнутыми головами, как кающиеся грешники! Пусть их зубная болячка поберет! А когда ударит гром, пусть он душу из них вытряхнет! Это, — произнес я, подымаясь во весь рост, — и есть проклятие на головы всех сплетников, которые не могут узнать па-де-де, когда они его видят!

Затем все мы выпили чаю.

Перевел Борис ЗАВАДСКИЙ.

КАМЕННЫЙ ВЕРБЛЮД

Не правда ли, эта скала похожа на верблюда? Находится она в Адамовском районе, Оренбургской области.

Об этой скале бытовала такая легенда. В степь забрел верблюд. Его нещадно жгло солнце, на его пути высыхали реки, сгорали травы. Не выдержал верблюд, прилег отдохнуть да так и окаменел, остался сторожить покой степей.

Теперь вокруг каменного верблюда колышется океан колосьев, пасутся стада коров и отары овец.

И. БАРАНОВ

Оренбург.

Рыба-людоед

День выдался погожий, и жители прибрежных островов реки Пурус (Бразилия, штат Амазонка) отправились на небольшом пароходе «Мацуким» в главный город штата Манаус. На пароходе было около двадцати пассажиров.

Пароход шел заданным курсом, как вдруг его сильно встряхнуло, и он остановился. Оказалось, судно наскочило на огромный пень. Через пробоину в днище хлынула вода, и «Мацуким» начал тонуть.

Один из бросившихся в воду сильно поранил руку, и из нее фонтаном брызнула кровь. Это привлекло к месту катастрофы стаи рыб пирайя. Рыбы эти длиной до тридцати сантиметров, из породы карпообразных обитают в пресных водах Южной Америки и являются весьма опасными хищниками. Стаями они нападают на крупных животных и даже на людей, вырывая у них клочьями мясо.

Стаи пирайи окружили очутившихся в реке людей, и вскоре вода окрасилась кровью жертв. Спасся только один мужчина: ему удалось взобраться на находившуюся поблизости разбитую шлюпку, отнесшую его к берегу.

В Парижском морском музее содержится пирайя. Не веря в хищность этой небольшой по своим размерам рыбы, сторож музея как-то опустил в аквариум руку. В одно мгновение пирайя лишила его пальца.

П. ГУРСКИЙ

ТРАГЕДИЯ КОНГО И МАРКИ

По традиции в день провозглашения независимого нового государства выпускается специальная серия марок. 30 июня 1960 года вышла первая марка Республики Конго, на которой слово «независимость» пересекает карту большого африканского государства. Однако через несколько дней империалисты, напуганные революционным порывом народа, начали подлый раскол Конго. Это отражено в марках. 11 июля под прикрытием автоматов бельгийских парашютистов и иностранных наемников Чомбе объявил марионеточное «государство Катанга». На части тиража выпущенных ранее марок делается жирная надпечатка: «11 июля. Государство Катанга».

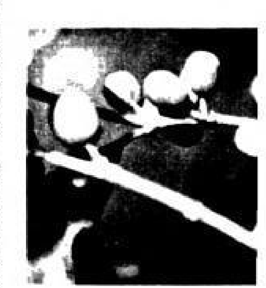
Народы Конго не смирились с расчленением своей родины. В конце прошлого года северная половина Катанги была освобождена от чомбистов частями национальной армии и партизанскими отрядами. На почтамте столицы Северной Катанги в городе Альбертвиле были обнаружены марки с сепаратистской надпечаткой. Простым резиновым штампом, на котором было вырезано одно слово — «Конго», маркам независимости было вновь возвращено их настоящее гражданство.

В. КОРОТОВ

КОФЕ РАСТЕТ В КОМНАТЕ

— Приходите пить кофе нашего домашнего урожая.

Удивляетесь? А между тем в этом приглашении нет ничего необычного: кофейные деревца отлично растут в комнате, цветут и приносят плоды, напоминающие по внешнему виду вишни.

Деревца, выращенные из кофейных семян, не требуют особого ухода и в отличие от цитрусовых растений сохраняют круглый год красивую, густо-зеленую, словно лакированную листву.

О. КАРЫШЕВ

Ленинград.

XIV ФЕСТИВАЛЕ!..

тета консерватории, предстоит еще работа над дипломом.

Когда сверстница Анны Рита Ташингхем прилетела из Англии, ее встретили хлебом с... медом. Рита — исполнительница главной роли в фильме «Вкус меда». Это ее первая и пока единственная работа в кино. Однако на Международном кинофестивале в Каннах Рита была награждена премией за лучшее исполнение женской роли. А в Карловых Варах коллеги Риты единодушно присудили ей еще одну премию — за лучший танец.

Были в эти дни здесь юбиляры, а стало быть, и юбилеи. Индийской актрисе Шима Кхуршид исполнилось 25 лет. Это совпало с ее сотым фильмом! У Иннокентия Смоктуновского роль Куликова в фильме «Девять дней одного года» — тринадцатая в кино. Но на XIII Международном кинофестивале уже решили, что тринадцать — число самое счастливое. Не потому ли Смоктуновский стал самым популярным актером фестиваля? Многие свой русский словарь начали словом «Кеша». В словаре у Бернара Блие русских слов гораздо больше. Известный французский актер, исполнитель роли шофера в фильме «Адрес неизвестен», был в Москве дважды и сохранил о москвичах самые лучшие впечатления.

— Я в Москве чувствовал себя как дома,— рассказывает Блие.— Я ездил и в Ясную Поляну, очень люблю и хорошо знаю Толстого, русскую литературу, с большим интересом слежу за советскими театрами, всегда посещаю их, когда они приезжают к нам во Францию на гастроли. Ну и, конечно, смотрю все русские фильмы. «Девять дней одного года» — большое событие в истории кино. Это фильм будущего. Фильм, который зрителя заставляет думать о проблемах, очень важных для человечества, о смысле и цели жизни.

В последний вечер фестиваля многие говорили о советской картине. Известный польский режиссер Вайда, автор фильмов «Канал» и «Поколение», отозвался восторженно:

— «Девять дней» произвели на меня огромное впечатление! Здесь соединено интеллектуальное мышление с формой, которая действует на воображение, на чувства. Очень важно, что это — создание советских кинематографистов. Значимость и новизна — и в теме и в форме — показывает многим, каким должен быть кинематограф будущего.

А 24 июня утром на торжественном закрытии фестиваля председатель международного жюри профессор А. Броусил объявил решение жюри: Хрустальный глобус — Большую премию фестиваля — получил советский фильм «Девять дней одного года». Режиссер Михаил Ромм. Сценарий Даниила Храбровицкого и Михаила Ромма.

Наступает расставание. Прощаются друзья — новые и старые — и вновь слышат гостеприимное приглашение:

— Ждем вас на XIV фестивале!

Прага, 25 июня, по телефону.

В летнем кинотеатре Карловых Вар, где проходили просмотры фильмов фестиваля.

Фото М. Петерки, Я. Скали, Ж. Зольднера.

И Т А К, ПЕТРОСЯН!

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер

инниш — самый напряженный, ответственный этап любого турнира, особенно такого, который длится два месяца. Без сюрпризов подобное состязание никогда не обходится, и притом иногда в самые последние минуты турнира. А сколько сил приложили лидеры, чтобы застраховать себя от неприятных неожиданностей! Тройка лидеров: Е. Геллер, П. Керес, Т. Петросян — и в четвертом круге строго соблюдала «нейтралитет» во встречах друг с другом. Все сыгранные между ними 12 партий закончились вничью, причем обычно в районе 15—20-го хода.

Вряд ли эта тактика могла вызвать восторг среди любителей шахмат. Что хотели «сказать» лидеры своей ничейной тактикой? Пусть решают судьбу победителя Р. Фишер, П. Бенко и М. Филип? В значительной степени именно так и получилось.

Прекрасно финиширующий Р. Фишер перебрался в «верхнюю палату» и вел борьбу за четвертое место с В. Корчным. «Нижней палате» — П. Бенко и М. Филипу — надоело играть роль «снабженцев», и они стали очень туго «выдавать молочко» лидерам. Правда, Т. Петросян выиграл одну важную партию у В. Корчного, но стремительный Е. Геллер замедлил шаг, и П. Керес заметно устал после блестящего результата в третьем круге. Там он выиграл пять партий, в четвертом — ни одной.

Таким образом, было ясно, что грозовые тучи сгущаются над головами лидеров. Кто же споткнулся? Споткнулся в конце концов П. Керес. В 1959 году он с «сухим счетом» 4:0 победил П. Бенко. При счете 3:0 Керес лидировал в матче с ним на острове Кюрасао. И вот самую важную партию с американским гроссмейстером Керес проиграл. Керес-математик обязан был проявить в данном случае особую осторожность, ибо, по теории вероятности, противник не может вечно проигрывать. А Керес в отложенной позиции, в которой ничего страшного не было, допустил грубую ошибку. Злой рок преследует Кереса в турнирах претендентов.

Не без основания современная система розыгрыша первенства мира подвергается критике. Кое-что следует изменить в этой системе, считают претенденты. Дистанция слишком утомительна, и фактор случайности играет слишком большую роль. Интересно отметить, что Т. Петросян после турнира в Стокгольме заявил, что система розыгрыша не годится, если уже второй раз в турнир претендентов попадает П. Бенко! Это неосторожное высказывание Петросяну придется взять обратно. Бенко отлично провел турнир, и с его помощью Петросян перед последним туром стал единоличным лидером.

В последнем туре встретились непобедимый Петросян с хозяином пятнадцати нулей М. Филипом и все еще свежий, молодой Р. Фишер (он согласен продолжать турнир еще два месяца!) с усталым и сильно расстроенным после аварии старейшим участником П. Кересом. Можно ли было в такой ситуации ждать чуда?

Чуда, конечно, не произошло. Тигран проигрывает шахматную партию раз в год. Не собирался он, естественно, проиграть с М. Филипом важнейшую партию в своей жизни. Ничья! Уж за такую ничью Петросяна никто упрекать не будет. Эта «половинка» оказалась решающей, победоносной на пути к переговорам с М. Ботвинником.

Из последних сил П. Керес старался «зацепиться» за первое место. Но у Р. Фишера имелись свои интересы и заботы: пол-очка ему нужны были для того, чтобы занять четвертое место. Керес нажимал, но выжать целое очко не смог — тоже ничья.

Е. Геллер предпринял усиленную попытку догнать Кереса. Но на финише П. Бенко страшно «рассвирепел»: он испортил шансы Кересу, а в момент, когда пишутся эти строки, хочет под занавес испортить настроение и Е. Геллеру в последней партии этого турнира.

Всему бывает конец. Закончилась и двухмесячная борьба в Кюрасао.

Рассеялись все тайны шахматного острова.

Мы еще подведем спортивные и творческие итоги этого выдающегося турнира. Сегодня же нам хочется сердечно поздравить с блестящей победой Тиграна Петросяна!

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Трагедия Еврипида. 6. Разъяснение в конце книги. 9. Остров в Ионическом море. 10. Норвежский драматург. 11. Советский химик. 16. Устройство для сообщения между этажами. 18. Действующее лицо в художественном произведении. 19. Приток Днепра. 20. Повесть А. И. Свирского. 21. Денежная единица Финляндии. 22. Жидкая однородная смесь. 25. Строительный теплоизоляционный материал. 26. Народный артист СССР. 27. Работник периодической печати. 29. Учебное заведение. 30. Химический элемент. 31. Звуковая система в музыке. 32. Учреждение связи.

По вертикали:

1. Постановщик фильма «Красные дьяволята». 2. Автор романа «Мужество». 4. Киргизский музыкальный инструмент. 5. Древнегреческий скульптор. 7. Гимнастические упражнения на лошади. 8. Город в Ленинградской области. 12. Цветок. 13. Хлопчатобумажная ткань. 14. Рыба семейства карповых. 15. Озеро в Венгрии. 17. Сорт яблок. 18. Комический персонаж французского народного театра. 23. Композитор, ученик Н. А. Римского-Корсакова. 24. Учтивость, предупредительность. 27. Женская одежда. 28. Большая дорога.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали:

1. Вертлюг. 5. Консерватория. 8. Антипка. 10. Остап. 12. Пресс. 13. Лоток. 15. Штемпель. 16. Аэродром. 18. Терапевт. 19. Оператор. 20. Аргон. 21. Свеча. 23. Астра. 25. Шаляпин. 27. «Электричество». 28. Ломонос.

По вертикали:

1. Висла. 2. «Гроза». 3. Сопка. 4. Шифер. 6. Инсценировка. 7. Обсерватория. 9. Ихтиология. 11. Премьера. 12. Портьера. 13. Льгота. 14. Картон. 15. Штат. 17. Метр. 22. Число. 24. Слово. 25. Шакал. 26. Насос.

На первой странице обложки: Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Старое здание библиотеки — бывший Дворянский институт.

Со старинного рисунка.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00492. Подписано к печати 27/VI 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1108. Заказ № 1806.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ШВЕЙК ПРОП

Пятьдесят лет назад начались удивительные приключения бравого солдата Иозефа Швейка. А где бравый солдат сейчас? Может быть, спокойно сидит в трактире «У чаши», пьет свое пиво и подмигивает Францу Иосифу, с портретом которого так нехорошо поступили мухи?

Нет, широкая, беспокойная натура Швейка не дает ему покоя — разгуливает бравый солдат по всему свету. Есть у него прописка и в Москве, по адресу: Измайловский проезд, дом 6/а, квартира 54.

Здесь перед вами проходит вся жизнь Швейка, запечатленная чешским художником Иозефом Ладой в семистах рисунках.

Для любознательных и недоверчивых посетителей Швейк составил свою анкету. В графе «Фамилия, имя» читаем: Швейк Иозеф.

Образование? Учился в школе. Выучился столярному ремеслу. Учился также аптекарскому делу в Праге у пана Кокошки (выгнан до окончания учебы).

Какие имеете изобретения? Умею сочинять благородные родословные безобразным собакам.

Пребывание за границей? Следовал в составе 11-й маршевой роты к галицийской границе. Конечная цель — попасть в плен к русским вместе со всем батальоном.

В заключение личная подпись бравого солдата. Август 1916 года.

На полке стоят, вытянувшись в струнку, двенадцать Швейков — пластмассовые и фарфоровые, заводные и неподвижные, мягкие и бьющиеся, но все такие знакомые, с добродушной смешинкой в наивных голубых глазах.

Да, таков Швейк. Эта беспредельная наивность обезоруживала, подкупала даже его врагов, и многие из них впоследствии стали его друзьями. Доказательством может служить встреча офицеров 91-го австрийского пехотного полка, состоявшаяся в 1933 году. В этом полку служил Я. Гашек. Здесь он запасался впечатлениями для своего «Бравого солдата Швейка». На последнее свидание явились старший лейтенант Лукаш и бывший студент классической философии вольноопределяющийся Марек, настоящее имя которого Ян Маличек. Было решено создать «Общество друзей бравого солдата Швейка» под председательством фельдкурата Каца.

Лейтенант Дуб не явился, он преподавал в чешской гимназии.

Таким образом, решение о создании общества так и осталось на бумаге, а почти все участники встречи умерли.

Лишь один герой книги Гашека — кадет Биглер — здравствует и поныне. Однажды в немецкое издательство «Дитц-Ферлаг» пришло письмо из Дрездена: «Уважаемые господа! Вероятно, Вас весьма удивит, когда Вы узнаете, что одна из политических фигур произведения, которое Вы издали, вдруг ожила... Юмором обладает тот, кто наперекор всему способен всегда смеяться! То, что Гашек пишет обо мне, по большей части правда... Гетман Сагнер изображен верно. Поручик Лукаш сильно преувеличен. Лукаш жил в высшей степени солидно и женился на весьма приличной дочке пекаря из Брука на Литаве... С почтением Ганс Биглер».

Подлинные друзья Швейка с 1959 года ежегодно собираются на фестивали юмора и сатиры в Липнице, где жил последние годы и умер Ярослав Гашек.

Среди «личных» друзей бравого солдата есть и московский инженер-проектировщик Петр Минович Матко. Его адрес мы указали вначале.

Недавно в Москве по инициативе Общества советско-чехословацкой дружбы и Государственной библиотеки иностранной литературы создано общество друзей Ярослава Гашека. На его заседании говорилось, что к 80-й годовщине со дня рождения писателя, которая будет отмечаться 30 апреля 1963 года, готовится ряд новых изданий книг Гашека. Режиссер Озеров работает над созданием фильма «Большая дорога». Главным героем в нем будет Ярослав Гашек.

В. СЕМЕНОВА

ИСАН В МОСКВЕ

Фото Г. Санько.

Почта П. М. Матко.

Подразделение веселых Швейков.

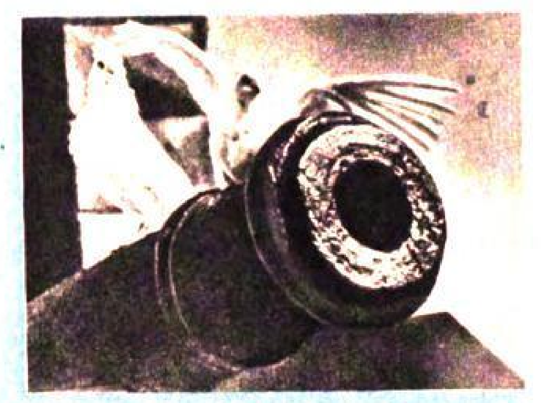
Издания «Швейка» на разных языках мира.

Фарфоровая тарелка в честь II фестиваля в Липнице.

Афиша Берлинского комического театра возвещает о представлении оперы Роберта Курки «Бравый солдат Швейк».

Посвящается московскому Всемирному конгрессу за всеобщее разоружение и мир

Песня о завтрашнем дне

Музыка Ильи ГОРИНА.

Слова Валентина МАРЬИНСКОГО.

Только наступит полночь,
Только взойдет луна,—
Думает мир безмолвный:
Будет ли вновь война?
Дремлют леса и пашни,
Помня сражений дым...
Мы, вспоминая день вчерашний,
В завтрашний день глядим.
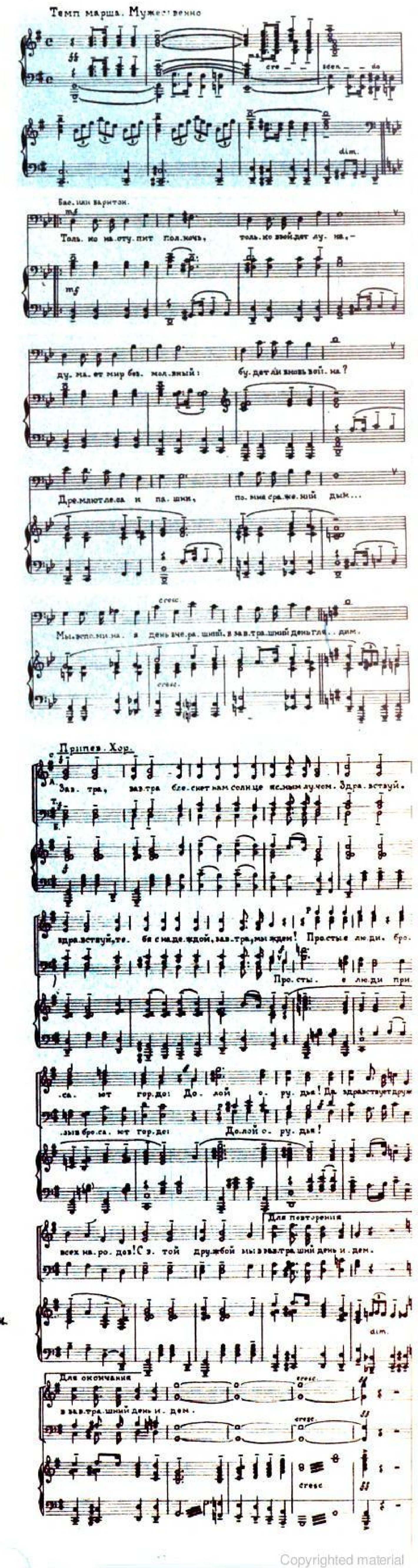
ПРИПЕВ: Завтра, завтра
блеснет нам солнце ясным лучом.
Здравствуй, здравствуй,
тебя с надеждой, завтра,
мы ждем!
Простые люди
призыв бросают гордо:
Долой орудья!
Да здравствует дружба
всех народов!
С этой дружбой
мы в завтрашний день идем.

Только наступит полночь,
Только взойдет луна,—
Словно прибоя волны,
Песня вдали слышна:
Чтоб над землей не вырос
Атомной бомбы гриб,
В наших сердцах, во имя мира,
Дружбы огонь, гори!

ПРИПЕВ.

Только наступит полночь,
Только взойдет луна,—
В сердце, тревоги полном,
Воля живет одна:
Пусть не истлеют нивы
В пламени никогда,
Завтрашний день наш, день счастливый
Не омрачит беда!

ПРИПЕВ: Завтра, завтра
блеснет нам солнце ясным лучом.
Здравствуй, здравствуй,
тебя с надеждой, завтра,
мы ждем!
Простые люди
призыв бросают гордо:
Долой орудья!
Да здравствует дружба
всех народов!
С этой дружбой
мы в завтрашний день идем.

Цена номера 30 коп.

